

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

8/888

КРУГОЗОР

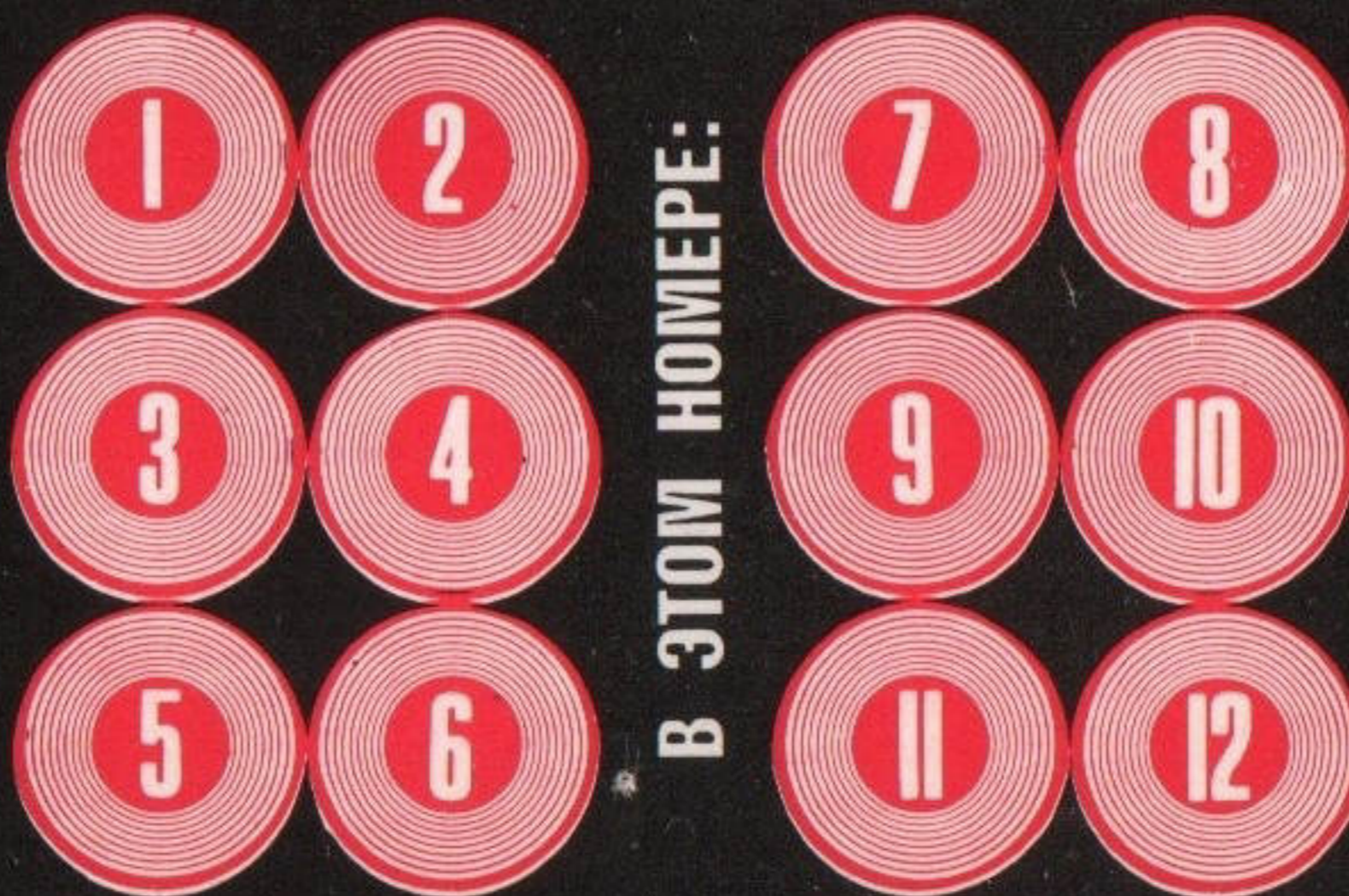

СВЕЖИЙ ВЕТЕР
В КУБАНСКОЙ
СТЕПИ

Кубань. Люди и перестройка
Маршал М. Тухачевский

Писатель А. Рыбаков. Размышления
Загадочные голоса китов

Пианист Генрих Нейгауз
Когда звучит гитара

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Любимые мелодии экрана
Е. Петросян: «Я — за гласность»

Болгарский дуэт «Ритон»
Поэт Уитни Хьюстон (США)

Ритмы группы «Скорпионс» (ФРГ)
Встреча с Аллой Пугачевой

П. Н. ВАСИЛЬЕВ
 ● Все так же мирен листьев
 тихий шум,
 И так же вечер голубой
 беспечен,
 Но я сегодня полон новых дум,
 Да, новых дум я полон
 в этот вечер.
 И в сумраке слова мои звенят —
 К покою мне уж не вернуться
 скоро.
 И окровавленным упал закат
 В цветном дыму
 вечернего простора.
 Моя Республика, любимая страна,
 Раскинутая у закатов,
 Всего себя тебе отдам сполна,
 Всего себя,
 ни капельки не спрятав.
 Пусть жизнь глядит
 холодной порой,
 Пусть жизнь глядит
 порой такую злою,
 Огонь во мне, затепленный тобой,
 Не затушу и от людей не скрою.
 И не пройду я, отвернувшись, нет,
 Вот этих лет волнующихся —
 мимо,
 Мне электрический веселый свет
 Любезнее очей любимой.
 Я не хочу и не могу молчать,
 Я не хочу остаться постояльцем,
 Когда к Республике
 протягивают пальцы,
 Чтоб их на горле повернее сжать.
 Республика, я одного прошу:
 Пусти меня в ряды
 простым солдатом.
 Замолк деревьев переливный шум,
 Утих разлив багряного заката.
 Но нет вокруг спокойствия и сна.
 Угрюмо небо надо мной темнеет,
 Все настороженнее тишина,
 И цепи туч очерчены яснее.

Павел Николаевич Васильев — один из наиболее ярких советских поэтов тридцатых годов. Пятьдесят лет жизни русского народа запечатлено им в стихах: от дремучего траурного режима Александра Третьего до Октябрьских дней, от гражданской войны до первых пятилеток. Главное в литературном наследии П. Н. Васильева — его эпические произведения. В последние годы до трагической гибели им были написаны поэмы: «Соляной бунт», «Синицын и К», «Лето», «Кулаки», «Принц Фома», «Автобиографические главы», «Христоробовские ситцы».

Буйно и быстро, как река по камням, мчалась жизнь Павла Васильева, матроса и гармониста, золотоскателя и поэта. Замыслы были огромны. Он говорил: «До тридцати лет буду писать стихи, а потом перейду на прозу — навсегда!» Этому не суждено было сбыться, в 1936 году он был незаконно репрессирован и погиб в двадцать шесть лет.

С той поры прошло уже полвека, но произведения Павла Васильева остались жить как взволнованная поэтическая повесть о суровой эпохе борьбы за социализм.

ИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ — ЗАБЫТЫЕ СТРОКИ

АВГУСТ
 Еще ты вспоминаешь жаркий день
 Зарей малины,
 крытый шубой лисьей,
 И на песке дорожном видишь тень
 От дуг, от вил,
 от птичьих коромысел.
 Еще остался летний холодок,
 Еще дымок витает над поляной,
 Дубы и грозы валит август с ног,
 И каждый куст в бараний крутит рог
 и под гармонь тоскует бабой
 пьяной.
 Ты думаешь, что не приметил я
 В прическе холодеющую проседь —
 Ведь это та же молодость твоя, —
 Ее, как песню,
 Как любовь, не бросить!
 Мне ничего не надо —
 только быть
 С тобой рядом
 И, вскипая силой,
 В твоих глазах глаза топить —
 В воде их черной,
 Ветреной и стылой.

Совсем недавно вступил я в партию — в марте нынешнего года. И как-то незаметно, исподволь ко мне пришло ощущение, что и я что-то значу в общих делах партии и государства, коль стал частицей почти двадцатимиллионного отряда коммунистов, почувствовал себя человеком, от которого в этом беспокойном мире тоже что-то зависит. И меня непосредственно касается все, что происходит в цехе, на родном заводе. А родным его могу назвать потому, что под его крышей началась моя трудовая жизнь. После службы в армии работал слесарем, по вечерам учился в заводском техникуме, стал мастером. Сейчас отвечаю за многих людей, а это, как понимаете, в наше время — самое трудное.

Чего греха таить, и в нашей партийной среде встречаются такие мастера красивой революционной фразы, а сами палец о палец не ударят, чтобы что-то изменить, работают, как говорится, не бей лежачего, а получают хотят, как все.

смог сейчас, когда семья, новые обязанности на работе, еще успевать учиться по вечерам в металлургическом институте.

Какое реальное проявление перестройки у нас на заводе? Переход на хозрасчет. Но идет он туго, трудностей много. Вроде все точно рассчитали, продумали организацию труда, стараемся. Но вот не подошли вовремя заготовки — и дело застопорилось. Начались сбои в работе. Коллектив мог бы гораздо лучше работать, но, к сожалению, госзаказ у нас постоянно составляет 100% всей продукции, и мы лишены хозяйственной самостоятельности, пространства для маневра. Правда, в этом году зарботки у нас существенно поднялись, но это за счет того, что мы увеличили объем производства. Теперь, думаю, надо скорее укрепить материально-техническую базу завода. Да и ремонтная служба слаба, не обеспечивает бесперебойную работу сложного оборудования — автоматического, электронного.

Сейчас надо по-новому поставить вопрос об ответственности каждого коммуниста за положение дел там, где он работает, за личный вклад в перестройку, за деятельность своего коллектива.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной партийной конференции

необходимым придерживаться принципа: за лучшую работу — лучшую оплату. Это правило помогает осуществлять коэффициент трудового участия.

Гласность в жизни бригады, цеха помогает создавать в коллективе тот микроклимат, который побуждает людей к доверию друг другу, у всех появляется и чувство личной ответственности, и заинтересованность в результатах общего труда. Важно не останавливаться, искать новые формы демократии, потому что прежними методами с новыми процессами — и психологическими, и производственными — не управиться. Только активное участие в перестройке дает закалку, желание выкорчевать консерватизм, осаживать рвачество, иждивенчество. Об этом говорили прокатчики завода, когда выдвигали кандидата на XIX Всесоюзную партийную конференцию — вальцовщика А. Мальшева.

Когда я слышу о первых комсомольцах, о том, какие испытания

они переносили, а то и гибли за свои убеждения, я невольно мысленно обращаюсь к сегодняшним дням. И нам требуется мужество, самостоятельность мысли, освобождение инициативы, что пока происходит туго, потому что привыкли действовать только по указке начальника. А почему мы не можем усомниться в верности его решения? Может, он не прав, может, есть другой подход к решению проблемы? Не согласен и с тем, когда пишут полуправду. Я, как и многие другие, видимо, до сих пор не знаю в подробностях, что произошло, например, в Узбекистане, Сумгаите, Нагорном Карабахе. Исчерпывающей информации мы так и не получили. Но не надо забывать, что только полной правдой мы можем привлечь на сторону перестройки молодежь.

Есть ли гарантии необратимости решения партийной конференции. И второе — настроение людей, их вера в непрременность перемен. И, наконец, желание нашего брата,

рабочего, своим упорным повседневным трудом двигать перестройку. В этом ее опора. Надо только освободиться от балласта, который нам мешает: привычки думать и жить по старинке. Надо, чтобы партийцы не на бумаге, а на деле влияли на работу коллектива, его боевитость, боролись против застарелых методов руководства и в большом и в малом. Но только бороться демократическим путем, не опасаясь, что тебя одернут, приклеят ярлык, как это бывало недавно.

У меня растет сын. И хочется работать, быть верным долгу коммуниста так, чтобы потом, когда он подрастет, мне не пришлось бы краснеть. Чтобы на его вопрос: «А где был ты, с кем шел в трудные годы перестройки?» — я мог бы сказать, что был всегда с партией. С партией революционеров.

Евгений ИНОЗЕМЦЕВ, старший мастер завода «Серп и молот»
 г. Москва

ХОЧУ БЫТЬ С ПАРТИЕЙ

И партийным билетом готовы заслонить свои неблаговидные поступки. А ведь на партийном билете какие слова? — Честь и совесть...

На моем участке работал Александр Сергеевич Власов. Ему уже за пятьдесят, двадцать лет в партии. А чести не берег, в вытрезвитель не раз попадал. И вообще говорить о нем как об авангарде — значит бросать тень на само звание члена партии. Партийный билет — это ведь не щит от критики. Вот и мы решили не делать Власову больше поблажек, а предъявили самый высокий счет. По настоящему коллектива его уволили.

Люди, особенно молодые, должны знать, что мера всякому поступку — требовательность и справедливость.

К вступлению в партию меня подготовила, можно сказать, армия и семья. Служил в Казахстане на заставе, помню прекрасных воспитателей — офицеров Лисовского и Боровика.

У меня и отец был военным служащим, прошел всю войну. Нас шестеро братьев. И всех мать вырастила и воспитала, я считаю, достойными для жизни. Четыре брата стали офицерами, служили в Афганистане. Если бы не привычка к труду, я бы, наверное, не

Мне, молодому коммунисту, особенно дорого то, что наши заводские ребята стали активными поборниками перестройки, застрельщиками начинаний, которые помогают перестройке укрепиться. Первый «Комсомольский прожектор» возник именно на нашем заводе. Радует, что за последнее время появилось много молодых руководителей. Заместителю директора Сергею Паренькову — 30 лет. Начальники смен, мастера, заместители начальников цехов — молодые люди. В сортопрокатном цехе, например, 300 комсомольцев. Они же горы могут своротить.

Что же нам надо сделать, чтобы перестройка на заводе шла успешно? Думаю, прежде всего — создать условия, чтобы каждый мог в полную меру раскрыть свои способности, и не забывать о бытовой стороне жизни. Сергей Пареньков, будучи еще начальником цеха, организовал кабинет эмоциональной разгрузки, построил сауну, комфортабельные столовую и буфет. Когда рабочий хотя бы десять минут отдыхает от производственного напряжения, это сказывается и на его самочувствии, настроении, и на показателях работы.

Когда вступал в партию, твердо для себя решил — всегда отстаивать интересы рабочих. Считаю

«Люди, особенно молодые, должны знать, что мера всякому поступку — требовательность и справедливость», — считает Е. Иноземцев, которого вы видите на снимке. Фото Л. ЛАЗАРЕВА

Д. Т. ЯЗОВ,
кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС,
Министр обороны СССР, генерал армии

Если бы сегодня спросили, какой период армейской службы с наибольшей силой высветил для меня роль и значение нравственной слитности командира с подчиненными, духовной близости солдата и офицера, я бы, конечно, назвал годы Великой Отечественной войны.

...Лето 1942 года. В числе других лейтенантов, после окончания ускоренного курса военного училища, получаю назначение на Волховский фронт. Считанные метры отделяли наш рубеж от переднего края гитлеровцев. Но и здесь, выполняя боевую задачу, мы занимались обучением и воспитанием людей. В этом деле не может быть пауз. Старался найти подход к каждому. Подступов тут немало. Главное — быть внимательным к подчиненным, не впадая, понятно, в панибратство и заискивание. Были, например, во взводе малограмотные солдаты. Взясся писать им письма домой, читать ответы близким, что само по себе предполагает полное доверие. Никогда не уклонялся от разговора с солдатами о жизни, от ответов на любые, в том числе и острые вопросы, от того, чтобы им содержание книги, кинофильма пересказать, стихи прочитать. Чувствовал: крепнут контакты с подчиненными, а значит — и боевая сплоченность взвода. И это проявилось уже в первой атаке, когда мы успешно выполнили боевую задачу.

Так стремились действовать и другие боевые офицеры. Примером в этом смысле для меня навсегда остался товарищ по училищу Костя Соловьев. Взвод его отличался особенно крепкой спайкой. Было чему поучиться и у командира нашего полка подполковника И. Шапшаева, ставшего впоследствии Героем Советского Союза. К солдатам он относился по-отцовски — с требовательной заботой.

Фронтные уроки, стоившие подчас многих жизней, имеют непреходящее значение. Уверен, каждый ветеран может рассказать немало поучительного. Многие наши прославленные военачальники в близо-

сти и внимании к личному составу, заботе о солдате видят решающий залог успешной воинской службы.

Сегодня в армейских подразделениях формируется новый уровень взаимоотношений, основанных на духовной близости и сцементированных уставными требованиями. Ветер перестройки в стране улучшает нравственно-психологическую атмосферу в армии, ибо она — часть нашего общества и живет одной жизнью с народом.

Командир — главная фигура в деле воспитания солдата. Но он только тогда сможет до конца выполнить свое предназначение, когда видит перед собой не безликую массу, а в любой ситуации — конкретного человека. Знать настроение людей, чувствовать пульс жизни подразделения — это важнейшее условие воспитания воина. Дело это нелегкое, требующее разносторонних знаний, чуткости и такта, отзывчивости и терпения, благородства и мужества.

Каждый воин — личность, своеобразная, неповторимая, со своими достоинствами и недостатками, вкусами и интересами. И надо, чтобы потенциал каждой личности не только раскрылся, но и работал на общее дело, вливался в единую волю коллектива, безоговорочно подчиненную воле командира. Еще в начале века В. И. Ленин говорил о прямой зависимости успеха в войне от инициативности, сознательности солдата и матроса. Нетрудно представить, насколько актуален этот вывод сейчас. Современный воин должен уметь нестандартно думать, принимать обоснованные решения и претворять их в жизнь. Это общее требование перестройки, и оно в полной мере относится к воинам.

В Центральном музее Вооруженных Сил СССР есть экспозиция, посвященная замполиту роты А. Киселеву: портупея, тетрадь, пробитые осколками в мирное время. Александр Киселев совершил подвиг во время занятий по боевому гранатометанию. Дело было так. Молодой солдат выдернул предохранительную чеку, а бросить гранату не решился. Спасая жизнь солдата, офицер сумел выхватить гранату и накрыть ее собой. Он лишился кистей обеих рук, но

ПО ЗАКОНАМ

остался в боевом строю Вооруженных Сил. Или другой пример. Спасая жизнь командира роты во время выполнения боевой задачи в Афганистане, прикрыл офицера своей грудью рядовой Валерий Арсенов. Посмертно отважному воину присвоено звание Героя Советского Союза. Это и есть высшее выражение близости наших офицеров и солдат.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что быть близким к подчиненным, заботиться о них — вовсе не значит снижать к ним требовательность. Весь опыт военной службы, в том числе и опыт фронтовой, подтверждает, что солдаты уважают командиров требовательных, строгих, но справедливых, показывающих пример личной исполнительности и дисциплинированности, единства слова и дела. Конечно, настоящая требовательность не имеет ничего общего с грубостью, высокомерием, так же, впрочем, как подлинная забота — со всепрощением и попустительством.

К сожалению, порой встречаются офицеры, которые полагают, что окриком, бранью можно двигать дело вперед, можно «воспитывать». Ясно, что ни о каком душевном контакте в этом случае не может быть и речи. К отчуждению офицера от подчиненных ведут и злоупотребления служебным положением, искривления дисциплинарной практики, невнимание к сфере социокультурной.

Повторяю: в подавляющем большинстве советские офицеры — высокообразованные, обладающие хорошей профессиональной подготовкой и идейной закалкой люди — люди долга, посвятившие свою жизнь делу защиты Отечества. И это вовсе не идеализация военных. В этом — суть офицерской профессии. Каким бы делом ни был занят офицер — боевыми занятиями, беседой с личным составом, несением службы или организацией отдыха подчиненных, — от него всегда требуется не только глубокое проникновение в психологию солдата, но и способность всецело подчинить свои личные интересы, всего себя интересам службы, интересам выполнения поставленной перед подразделением задачи.

В этой связи вспоминаются примеры из боевой практики ограниченного контингента наших войск в Афганистане. Вот один из них. В схватке с душманами капитан М. Ларионов был дважды ранен, но

с поля боя не ушел. Для солдат и офицеров батальона, в котором Ларионов был заместителем командира по политической части, его пример имел огромный воспитательный эффект, помог выстоять и одержать победу в том трудном бою. Или другой факт. Рота, которой командовал старший лейтенант В. Гаврилов, получила приказ на разминирование. Отобрав группу воинов, офицер первым двинулся навстречу опасности. Он был контужен, но остался в строю. Позже, уже после выполнения задания, он объяснил свой поступок просто: нужен был мой личный пример, мой опыт, который позволил избежать неоправданных потерь...

Подобных примеров не счесть. Такие, как капитан М. Ларионов, старший лейтенант В. Гаврилов, составляют большинство офицеров в армии и на флоте. Все они пользуются большим авторитетом, уважением и доверием воинов.

Вера в своего командира, любовь к нему — неотъемлемая часть преданности воинскому долгу, а в более широком плане — патриотизма. Это прекрасно понимали великие русские полководцы Румянцев, Суворов, Кутузов. Об этом помнили Чапаев, Блюхер, Тухачевский, Фрунзе, Жуков, Рокоссовский, другие наши прославленные командиры, комиссары, выдающиеся военачальники. Они владели искусством тактики и стратегии, но и были людьми, пользующимися огромной любовью и доверием солдата, умеющими повести за собой, вдохновить на подвиг во имя Родины.

Подлинный патриотизм проявляется не на словах, а на деле. Для воина это прежде всего готовность с честью выполнить свой ратный долг в любой обстановке. К этому он обязан готовить себя, на это должна быть направлена вся политико-воспитательная работа. Огромная роль в обеспечении ее действенности принадлежит офицерам, их личному примеру, повседневному индивидуальному влиянию на подчиненных. Многого может сделать армейский и флотский комсомол. Ведь в Вооруженных Силах служат в подавляющем большинстве молодые люди, юноши комсомольского возраста. И очень

ТОВАРИЩЕСТВА

важно, чтобы деятельности комсомольских организаций в частях и на кораблях были присущи творчество, инициатива, боевой настрой.

Чрезвычайно важны в воспитательной работе непрерывность и преемственность. Ведь через каждые два-три года боевой строй солдат и матросов обновляется, и каждое новое поколение должно в короткий срок постичь премудрости солдатской науки, сложности военной техники, окрепнуть духом и телом.

Армия — большая жизненная школа для молодого человека, школа гражданственности, мужества и патриотизма. Воспитание в ней — часть всей существующей в нашей стране системы воспитания молодого человека. Вот почему необходим комплексный подход к делу формирования у молодежи качеств патриотов и интернационалистов, о чем говорилось на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Мне часто приходится беседовать с родителями воинов, и я всегда повторяю: да, армия не санаторий, есть там и нагрузки, и проблемы, и напряженная учеба, и ратный труд до седьмого пота. Но многое ведь зависит и от самого молодого человека, от того развития, которое дали ему родители, школа, от его характера, силы воли, от того, как он подготовлен к армейской службе. Армия имеет такую особенность, что многие качества, скрытые порой на «гражданке», проявляются за годы воинской службы во всей своей полноте. Скажу откровенно: ленивым, злым, обидчивым, слабым физически ребятам служить трудно. Однако таким нелегко не только в армии.

В военно-патриотическом воспитании, в подготовке юношей к военной службе мы вправе рассчитывать на родителей. Все начинается с семьи. И тут можно было бы привести много добрых примеров. Но не могу не сказать о другом. На протяжении длительного времени в школе успехи ученика определялись оценками по математике, физике, литературе, другим ведущим предметам. Результатом занятий, скажем, по труду, физкультуре придавалось куда меньшее значение. А уж отношение к коллективу, делам общественным, умение дружить, быть надежными товарищами, способность оказать бескорыстную помощь зачастую, к сожалению, и вовсе никак не оценивались и не учитывались. А ведь именно эти качества в значительной

степени определяют человека как личность. Воспитание их — важнейшее направление подготовки юноши к выполнению обязанностей гражданина, в том числе и такой почетной, какой является у нас в стране служба в Вооруженных Силах.

Во время службы, когда молодой воин должен в кратчайший срок овладеть боевой специальностью и выполнять ответственные, нередко государственной важности задачи по поддержанию на должном уровне боеготовности подразделения, части, корабля, восполнять пробелы в воспитании нелегко. И эту работу зачастую еще больше осложняют некоторые родители молодых солдат, ведущие себя так, словно они отправили сына не выполнять долг по защите Родины, а на отдых в пионерский лагерь, балуют посылками и денежными переводами, мешают ему почувствовать себя самостоятельным, взрослым, ответственным человеком.

С горечью вспоминаю случай, когда молодой солдат, только что призванный из Горьковской области, самовольно оставил воинскую часть и поехал к себе в деревню. Свой позорный поступок объяснил тем, что служба в армии, дескать, не понравилась — тяжело, а дома лучше. Вот каким оказался уровень его социальной зрелости. Выяснилось, кроме того, что должной подготовки к службе в армии юноша тоже не получил, не познал азы военного дела. В школе, где он учился, военного руководителя не было.

Школа без военрука — это вовсе не редкость, особенно в глубинке. Есть еще и такие факты, когда военное дело преподают люди случайные, некомпетентные, не пользующиеся у молодежи авторитетом. Подобные упущения обходятся дорого.

Важную роль в военно-патриотическом воспитании, подготовке молодежи к службе играют ДОСААФ, физкультурные организации. Делается здесь, конечно, немало. И все же не будем обольщаться общими цифрами достижений и рекордов. Со многими приходящими в армию и на флот ребятами дело сегодня обстоит не так благополучно, как еще совсем недавно это стремились представить. Скажем прямо, физическая закалка молодежи не отвечает требованиям, которые предъявляет к ней сегодня военная служба.

И еще одну очень важную, на мой взгляд, сторону воспитания хочется затронуть. Люди моего поколения по сей день помнят песни, которые мы пели еще в школе: «Три танкиста», «Дан приказ ему на запад». Хорошо помним мы и фильмы «Броненосец «Потемкин», «Чапаев»... Сегодня, конечно, значительно больше, чем в пору моей юности, песен и фильмов, в том числе героико-патриотических. Но вот ребята, пришедшие в армию, зачастую мало что знают, например, о фильмах военных лет, порой не видели даже таких известных всему миру кинокартин о Великой Отечественной войне, как «Судьба человека», «Баллада о солдате», «Отец солдата», «А зори здесь тихие». Политические, патриотические, строевые песни, в том числе и давно написанные, завоевавшие признание народа, как правило, приходится с молодыми солдатами разучивать заново.

В наши дни, когда большинство будущих воинов до армии получают среднее и высшее образование, возросло значение литературы и искусства в нравственном, военно-патриотическом воспитании молодежи. Большую роль в становлении советского воина-патриота играют романы и повести М. Алексеева, Ю. Бондарева, В. Быкова, В. Карпова, других советских писателей. И все же произведения такой вдохновляющей силы, как «Повесть о настоящем человеке», «Как закалялась сталь», мы в армии еще ожидаем. Не слышим ли робко мы говорим порой о значении положительного идеала в жизни молодого человека? А ведь именно на таком идеале воспитано в нашей стране не одно поколение героев.

Сегодня ратной славой овеян подвиг героев наших дней — воинов-интернационалистов. Огромный потенциал мужества и бесстрашия, верности долгу, надежной, проверенной в бою любви к Родине несет в себе этот подвиг. Полностью реализовать его — значит существенно повысить действенность военно-патриотического, интернационального, нравственного и физического воспитания молодежи.

В Вооруженных Силах, как и во всей стране, идет перестройка. Она охватывает все сферы армейской и флотской жизни. Особое значение в ее дальнейшем углублении приобретает нерасторжимое единство офицеров и солдат — бесценное достояние нашей армии, с момента своего создания живущей по законам товарищества. В укреплении этого единства заключается важнейший залог активизации человеческого фактора, успешного решения стоящих перед Вооруженными Силами задач.

Фото Д. ГЕТМАНЕНКО

...Перестройка — это не манна небесная, и надо не ждать, пока ее завезут откуда-то, а творить самим в своем городе или селе, в своем трудовом коллективе. Сегодня как никогда нужны поступки, дела, а не разговоры по поводу перестройки.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА на XIX Всесоюзной партийной конференции

Интервью с делегатом XIX Всесоюзной партийной конференции, кандидатом в члены ЦК КПСС, секретарем Курганинского райкома партии Краснодарского края З. И. БОРОВИКОВОЙ.

Зоя Ивановна, какие надежды вы связываете с воплощением в жизнь решений XIX Всесоюзной партийной конференции?

— Очень большие. Застойный период нанес нам гораздо больший ущерб, чем любое стихийное бедствие. Бюрократический произвол хуже черных бурь и градобоя. Он по рукам и ногам связывает действия партийных, советских и хозяйственных работников — не только тружеников села.

А первопричина всех этих извращений — дутый престиж управленческого аппарата. Малейшая критика в свой адрес им воспринималась как «подрыв основ социализма». Еще недавно это было очень распространенным явлением. Многие тогда свои корыстные интересы пытались выдать за государственную заботу о народе и благе страны. А в действительности их первейшей заботой было — лишь бы не ускользнуло кресло! Вот такие люди и являются теперь главным тормозом перестройки. Конец этому грозному валу бюрократизма может положить выполнение решений XIX Всесоюзной партийной конференции.

— Бюрократы, как правило, люди бесталанные, но они обладают поразительным даром приспособленчества.

— Никто так не стремится казаться трудолюбивым и озабоченным благом народа, как они. Только все это «трудолюбие» и упорство уходят на поддержание системы запретов — главной точки приложения сил бюрократа. И здесь он бывает настойчив, инициативен, тверд. Возьмите пробле-

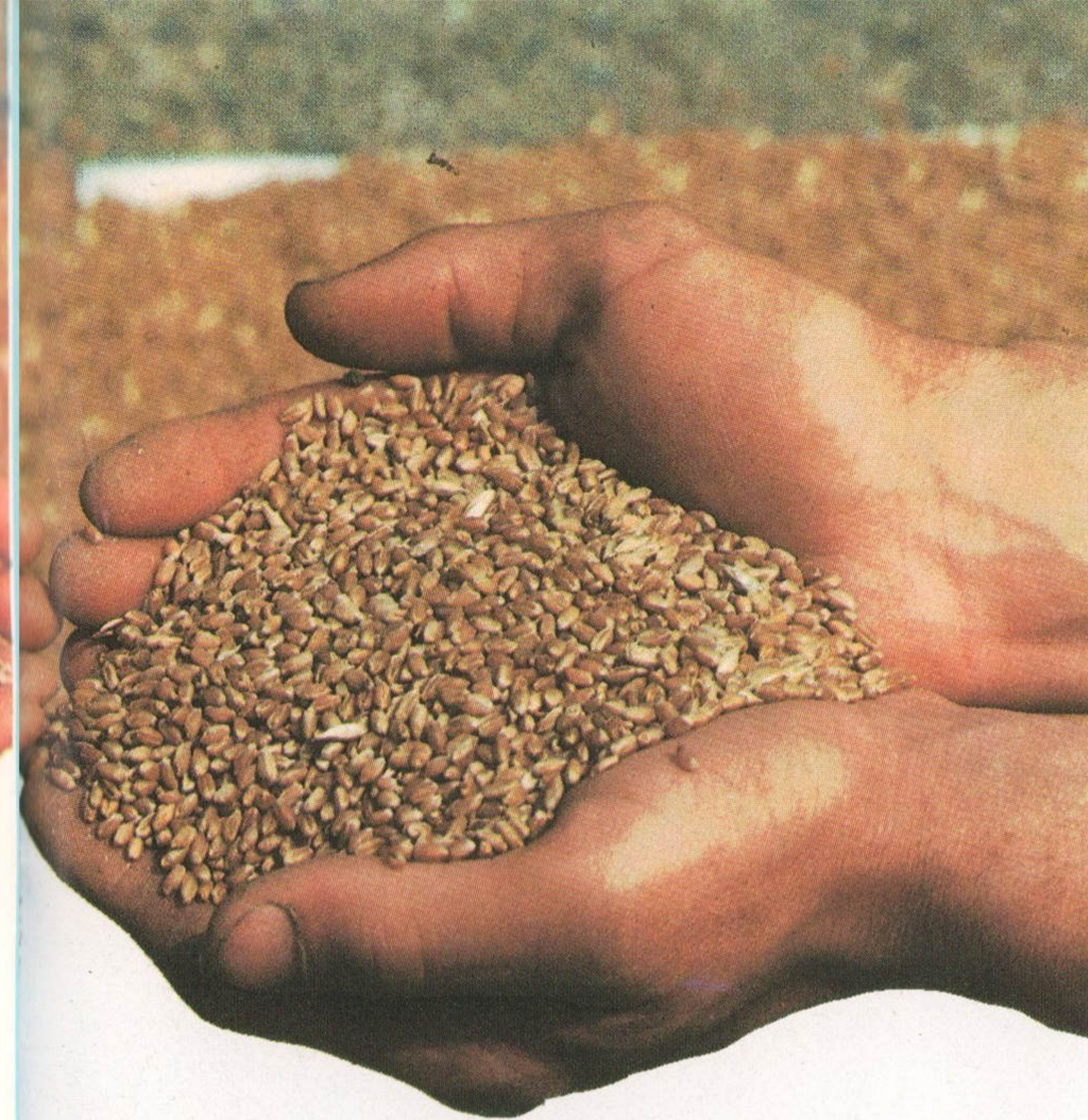
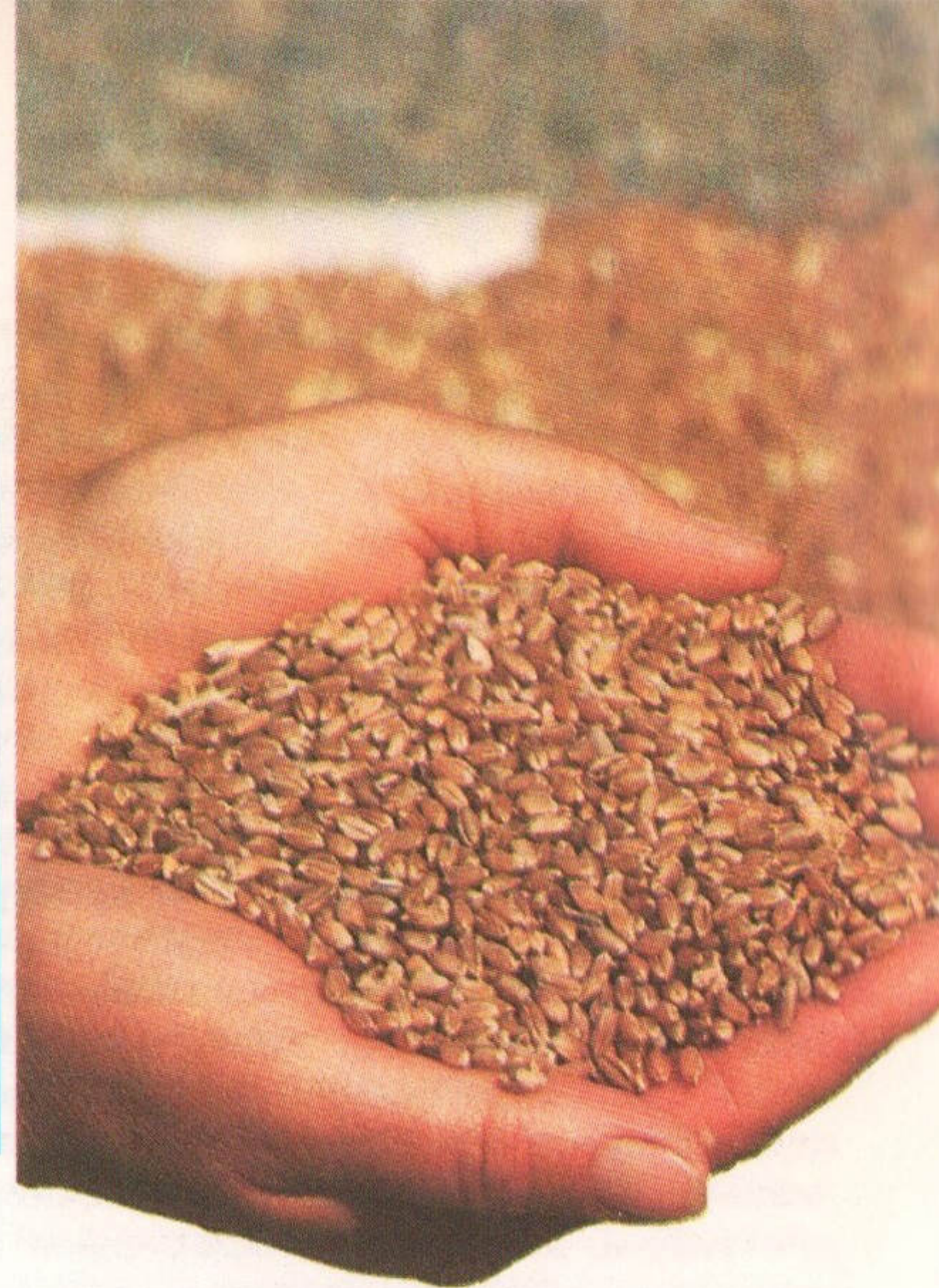
му становления арендного, семейного или бригадного подрядов: сколько препятствий на их пути возведено! Задумал, скажем, несколько лет назад Владимир Пантелеевич Орехов, механизатор колхоза «Кавказ», привлечь к работе сына-восьмиклассника. И юноше польза — учится труду хлебороба, и бригада, конечно, подмога. Ан, нельзя — инструкция не позволяет!.. Недавно коммунисты колхоза «Кавказ» единодушно осудили на своем партийном собрании эту инструкцию Министерства просвещения и решили больше не считаться с ней в своей работе.

— Часто приходится слышать такой вопрос: не снижается ли роль руководителя в условиях демократии и гласности?

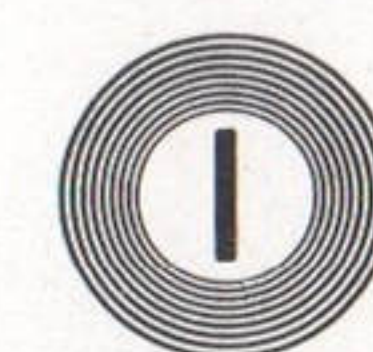
— Наоборот. Становится многограннее, интереснее, я бы сказала, человечнее. Вообще мы стараемся и будем стремиться впредь, если можно так выразиться, культивировать добрые человеческие качества в руководителе. Я убеждена,

«Те перемены, которые есть, позволяют думать, что процесс перестройки необратим», — убежден председатель колхоза «Кавказ» А. И. Пахайло. Его размышления слушайте на первой звуковой странице.

ПРОРАБЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

ВСЕ ВАЖНО, ЧТО КАСАЕТСЯ ЧЕЛОВЕКА

Колхозник А. Еремин одним из первых на Кубани взял арендный подряд на десять гектаров земли. Посмотреть на его работу приехала З. Боровикова — первый секретарь Курганинского райкома партии.

Казачий хор села Родниковки; кубанские механизаторы — отец и сын Ореховы; лошади донской породы — гордость председателя колхоза «Кавказ» А. Пахайло.

Фото А. ЛИДОВА

что это даст большую отдачу, чем суровость, ожесточенность. Это, конечно, тонкое искусство — работать с людьми. Одни и те же формы взаимоотношений нельзя переносить на всех. Кто из руководителей обладает чуткостью и гибкостью, тот сегодня и в выигрыше.

Но главное сейчас — пробудить интерес к работе, к личной инициативе. Это непросто сделать. Там, где сегодня поощряется инициатива, творческая мысль, положение меняется прямо на глазах. Три года назад Курганинская птицефабрика была убыточна, а сегодня она дает уже полтора миллиона рублей прибыли. Тот же коллектив, те же люди, но у них появился новый руководитель — Владимир Никифорович Зубарь. Это деловой человек, подлинный лидер. Он изменил систему взаимоотношений внутри коллектива, увлек его поисками новых форм организации труда.

Не только заработок, но и внимание, забота о людях поднимает престиж сельских профессий. Не просто у нас, например, стать свинаркой. Желаящим приходится подолгу ждать, когда для них освободится место.

Или, скажем, опыт ордена Ленина колхоза «Кавказ», где председателем Анатолий Иванович Пахайло. Его хозяйство — высокопродуктивное, недавно он заключил договор с австрийцами по возделыванию кукурузы и надеется со временем довести ее урожай до 150 центнеров с гектара!

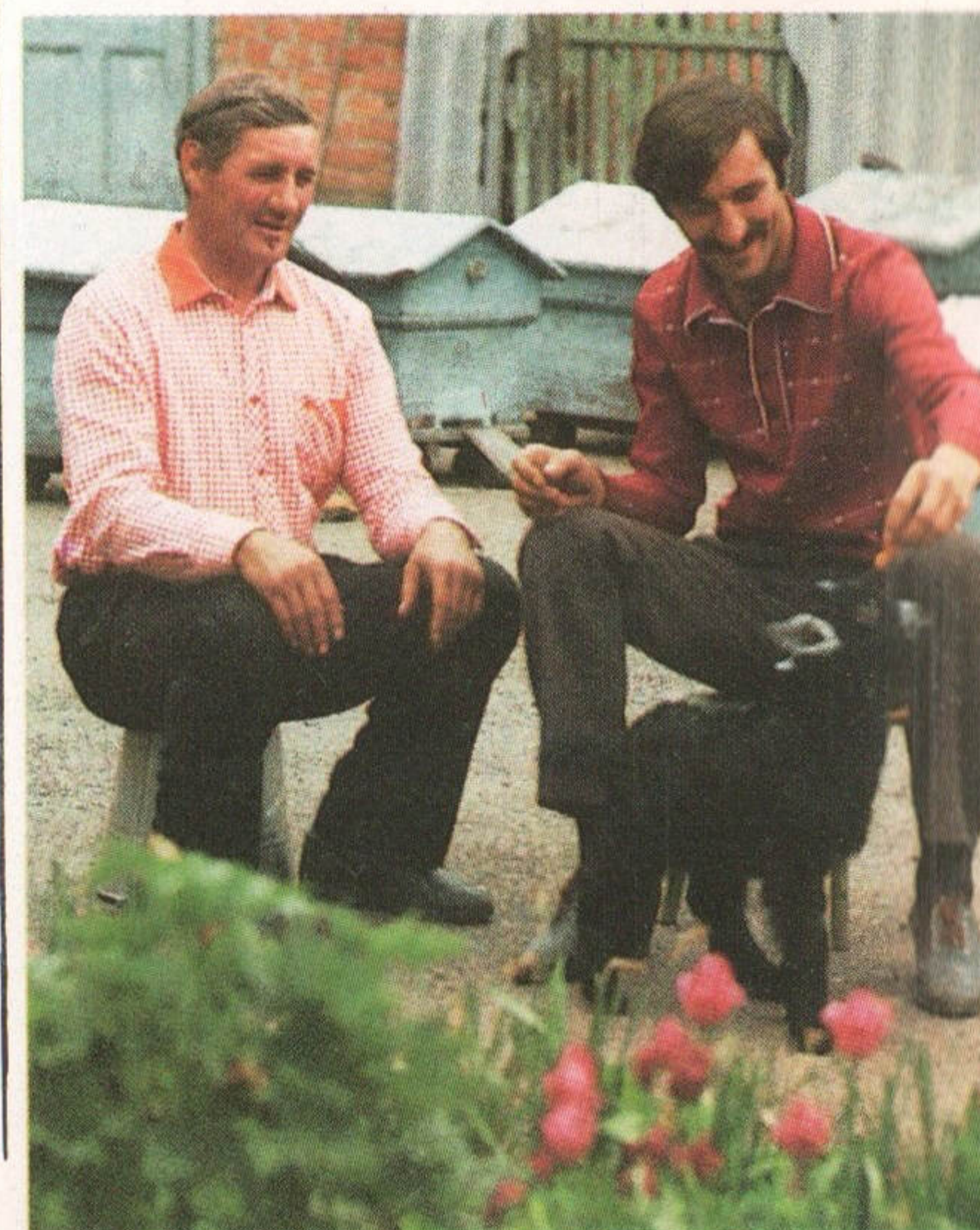
Но уважение земляков Анатолий Иванович завоевал не только этим. Он возродил коневодство в своем хозяйстве — и на фермах помощь огромная, и людям радость! Скачки стали у нас, пожалуй, самым популярным видом спорта. А лет десять назад это

давнее увлечение кубанских казаков было почти утрачено.

Когда человек, как говорится, горит на работе, искорки этого пламени воспламеняют и других. Своим энтузиазмом увлек молодежь нашего района тренер по дзюдо Николай Осипович Нефедов. Сотни ребят прошли у него хорошую спортивную школу перед службой в армии.

Кое-кто, быть может, скажет: спорт — не самое главное дело для жителей села. Я бы ответила на это так: нет у нас неглавных дел, если они касаются человека.

Мы только в начале перестройки, еще многое предстоит сделать. Но некоторые перемены уже прочно укрепились в сознании. Например, мы не представляем себе, чтобы руководитель у нас назначался. Все избираются: и директор школы, и директор совхоза, и директор завода, не говоря уже о председателе колхоза. Спрос сейчас на самостоятельных, инициативных людей, способных порвать бюрократические пути в своем деле.

«Огромного военного таланта человек. Умница, широко образованный, сильный... и очень красивый... Удивительно был красив. Я два месяца работал с ним над составлением Устава конницы в Инспекции кавалерии РККА — широко мыслящий военачальник, далеко смотрящий вперед. Он еще в тридцатых годах предвидел, что будущее за танками и самолетами, а не за кавалерией, как думало тогда большинство. И именно он стоял у истоков создания нашей ракетной техники».

Маршал Г. К. Жуков о маршале М. Н. Тухачевском

Однажды во время Уфимской операции М. Н. Тухачевский и член Реввоенсовета 5-й армии Н. П. Теплов решили проверить готовность частей к наступлению. Утром мы отправились в 25-ю дивизию, которой командовал В. И. Чапаев.

Машина проехала по проселочной дороге, проложенной в башкирской степи. На небе — ни облачка, на земле — ни души! И некуда было спрятаться у начинавшего уже припекать солнца.

Вдруг на горизонте, вынырнув из марева, показался конный разезд. Всадники крупной рысью помчались нам наперерез.

— Остановитесь! — сказал командарм Володе Андрееву, сидевшему за рулем. — Кажется, это Василий Иванович едет к нам.

Тухачевский и Теплов вышли из автомобиля. Всадники, видимо, тоже узнали их и пришпорили коней. Первым подъезжал Чапаев, только не в папахе, как потом показывали его в кино и на картинах, а в поношенной фуражке с блестящим козырьком.

Еще на ходу, приостановив разгоряченного коня, Василий Иванович легко спрыгнул с седла. После обычных приветствий все трое уселись у обочины дороги. На-

— А на меня и неученого пока не обижаются генералы!

— А после учебы, — в тон ему ответил командарм, — генералы души бы в вас не чаяли!

— Разобьем беляков — обязательно пройду все академии! — пообещал Василий Иванович.

Тухачевский поднялся с земли. Следом за ним встали и остальные двое.

— А что, если размяться нам малость, Николай Павлович? — обратился командарм к Теплову.

Борьба была страстью Михаила Николаевича, и, если кто отказывался с ним бороться, он иронически говорил: «О, это барин!»

Во время отдыха командарм и член Реввоенсовета армии часто «разминали» друг друга косточки. Оба атлетического сложения, молодые, сильные, упорные, бывало, возьмут друг друга накрест и возьются возле вагона, служившего Тухачевскому и штабом, и домом. Михаил Николаевич был верткий, хлесткий, он почти всегда клал на лопатки своего более тяжелого, неповоротливого партнера.

— Ну, что ж, — принял вызов Теплов, — я не прочь!

И вот уже скрестились их руки. Борцы сжимают, поднимают друг друга, пытаясь свалить наземь. Вдруг Николай Павлович подставил подножку.

— Чур! — крикнул командарм. — Уговор у нас давний: подножку не применять!

И снова схватились борцы руками накрест, то приподнимая, то бросая друг друга наземь. Чапаев стоял рядом, и, чем острее становилась борьба, тем азартнее сверкали огоньки в его синих глазах. Он то и дело поправлял разукрашенную золотом шашку. Она сбивалась на бок и мешала ему наблюдать поединок. А когда задыхавшийся Николай Павлович захотел снова применить подножку, начдив не удержался, возмущенно крикнул: «Не нарушай уговора, Теплов!»

Наконец член Реввоенсовета взмолился:

— Хватит, Михаил Николаевич, замучил ты меня, как черт!

Тухачевский тоже устал, но пыл борьбы у него еще не прошел. Отдышавшись немного, он предложил: «Василий Иванович, давайте-ка с вами, а?»

Чапаев не заставил себя упрашивать. Он быстро отцепил шашку, бросил ее в сторону — видимо, тоже любил повозиться. Командарм и начдив скрестили руки. Оба они оказались под стать друг

другу. Василий Иванович был постарше (ему шел 33-й, а Тухачевскому — 27-й год), но крепкий, жилистый, выносливый! Он и сам неожиданно нападал и не давал сопернику провести прием.

А солнце палило нещадно. По лицам борцов ручейками струился пот, под ногами клубилась пыль.

Михаилу Николаевичу удалось свалить Чапаева наземь. Но тот тут же вывернулся и оказался наверху. Снова борьба пошла с переменным успехом. То один, то другой оказывался в опасном положении и каждый раз уходил из него. В конце концов командарм сумел прижать начдива лопатками к земле.

— Ну, как, Василий Иванович? — улыбаясь, спросил Тухачевский и протянул руку, чтобы помочь ему подняться. — А я ведь не силой взял, а тренировкой, учебой.

— Что ты пристал со своей учебой! — вспыхнул Чапаев. — Меня до тебя раньше все равно никто не одолевал!

Михаил Николаевич рассмеялся: «И тем не менее учение множит умение!» — разрядил он обстановку игрой слов.

Борцы отряхнулись и начали прощаться.

— Ну, Василий Иванович, не поминай лихом! — пожал руку начдива командарм. — До встречи в Уфе!

— Я тебе, Михаил Николаевич, там устрою встречу со всеми почестями! — улыбнулся Чапаев. — Не стану позорить гостя, как ты нынче меня!

И, озорно подмигнув, пришпорил коня. Тухачевский долго смотрел ему вслед.

— Замечательный человек! — произнес он с нежной грустью. — А сколько таких талантов веками пропадало у нас в сословной глуши...

9 июня 1919 года Чапаевская 25-я дивизия, преодолев ожесточенное сопротивление белых, вступила в Уфу. Василий Иванович сдержал свое слово. Вечером в одном из ресторанов был устроен обед, на котором начдив посадил Михаила Николаевича на почетное место среди своих ближайших друзей.

Вскоре, однако, они расстались. 25-я дивизия вопреки возражениям Тухачевского была переброшена под Уральск. Я слышал, как осенью, узнав о гибели Чапаева, Михаил Николаевич сказал: «Это большая утрата для всей Красной Армии!» И молча ушел к себе.

Обычно общительный, умевший заряжать своей энергией других, он предпочитал переживать несчастье в одиночку.

Публикация Е. Н. ТУХАЧЕВСКОЙ

На фото: Я. Б. Гамарник, М. Н. Тухачевский и А. И. Егоров на Красной площади.

МАРШАЛ И СКРИПКА

Когда в 1937 году М. Н. Тухачевского арестовали как «врага народа», в защиту чести маршала выступили и французские офицеры, хорошо знавшие его по немецкому плену. Среди этих офицеров был Шарль де Голль. Будущий президент Франции до конца своих дней сохранил глубокое уважение к молодому русскому подпоручику, с которым он вел жаркие споры в баварской тюрьме-крепости Ингольштадт о будущем Европы.

Но сам Тухачевский не любил вспоминать это время. «Моя настоящая жизнь началась с Октябрьской революции и вступления в Красную Армию», — не раз подчеркивал он. Об обстановке, в которой рос и воспитывался выдающийся советский полководец, рассказала в беседе с корреспондентом «Кругозора» Олегом Чечиным сестра маршала Е. Н. ТУХАЧЕВСКАЯ.

— Елизавета Николаевна, каким запомнился вам брат по детским впечатлениям?

— Разница в возрасте у нас 12 лет. Он был веселым, добродушным и удивительно ласковым. Но в то же время Миша мог быть непреклонным.

— Интересно, откуда пошла ваша фамилия?

— На карте Московской области, под Коломной, я еще недавно видела деревню Тухачевский стан. Эту деревню вместе с селом Скороино и волостью Тухачевской в Московском уезде великий князь Василий Васильевич пожаловал в XV веке нашему предку по отцу Богдану Григорьевичу. По названию своих владений он первый стал носить фамилию Тухачевский.

Прадед Александр Николаевич, состоявший в дальнем родстве с полководцем М. И. Голенищевым-Кутузовым, отличился в боях под Тарутином. Любопытное совпадение: он похоронен в Ломже, под которой в 1915 году Миша в бою попал в плен к немцам. А бабушка Софья Валентиновна носила фамилию Гаспарини — ее отец пришел в Россию вместе с Наполеоном и был полонем не только русским оружием, но и красотой нашей прабабушки.

— Ваш отец Николай Николаевич женился вопреки сословным предрассудкам на крестьянке. Не каждый потомственный дворянин мог решиться на такое.

— Ну, во-первых, он был уже из обедневшей дворянской семьи, а, во-вторых, в роду Тухачевских и раньше были примеры подобного «своеволия». Один из прадедов, тоже Николай Николаевич Тухачевский, будучи генерал-майором, женился на цыганке. Быть может, потому, что у нас в роду всегда были в чести и музыка, и музыканты. Мама Мавра Петровна, хоть и выросла в деревне, любила Баха, Бетховена, Моцарта, с удовольствием ходила вместе с нами на концерты в консерваторию. Отец был

«Нет ничего прекраснее музыки... Это моя вторая страсть после военного дела», — говорил Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский. На второй звуковой странице — выступление маршала М. Н. Тухачевского на сессии ЦИК в 1936 году и рассказ о скрипке Страдивари, на которой он играл. Фрагмент «Размышлений» П. И. Чайковского исполняет лауреат международных конкурсов М. Федотов».

ВОЗВРАЩАТЬСЯ К ПРОШЛОМУ

высокообразованным человеком и не жалел ни сил, ни средств на воспитание детей.

В доме у нас выше всего ценили честность и доброту. С ранних лет нам прививали презрение к праздности, уважение к труду, к простым людям. Наверно, именно эти качества наряду со светлым умом и выдержкой сразу оценил в Тухачевском В. И. Ленин и, не колеблясь, доверил 25-летнему подпоручику, бежавшему из немецкого плена, формирование и командование 1-й Красной Армией в 1918 году.

Отец мамы был кузнец. Он обладал огромной физической силой и однажды на спор выиграл лошадь: перенес ее на плечах в указанное место. Дед пользовался уважением и как мастеровой человек. Миша, видимо, перенял у него силу и умение делать все своими руками. Вместе с братом Александром он делал дома полочки и скамеечки, а потом с увлечением занялся изготовлением скрипки.

— Почему его заинтересовал именно этот инструмент?

— Трудно сказать. Бабушка Софья Валентиновна была ученицей Антона Рубинштейна и прекрасно играла на фортепиано. Отец не раз фотографировал все семейство рядом с роялем, сам предпочитал этот инструмент всем другим. Один из братьев, Игорь, считался хорошим пианистом, другой — Александр — виолончелистом. Они учились в Московской консерватории. Их преподаватель

музыки, впоследствии профессор, Николай Сергеевич Жилев летом часто гостил у нас во Вражском. Отец дружил с композиторами Танеевым и Скрябиным, они бывали в нашем доме в Москве.

Миша еще в детстве просил отца купить ему скрипку, но средств на это, по-видимому, не было. Когда брат вырос, то решил изготовить скрипку сам. Вскоре после поступления в военное училище он подружился с гимназистом Колей Кулябко, ставшим позже большевиком. Их сблизила не только надвигающаяся революция, но и любовь к музыке. В марте 1918 года Н. Н. Кулябко вместе с А. С. Енукидзе рекомендовал Михаила в партию и вскоре познакомил с В. И. Лениным.

Фото Д. ДЕБАБОВА

ВСТРЕТИЛИСЬ ТУХАЧЕВСКИЙ С ЧАПАЕВЫМ

Из воспоминаний И. Ф. Кудрявцева — шофера М. Н. Тухачевского

строение у них было задорное, они шутили и часто смеялись.

Командарм вытасил из планшетки карты и разложил их на сухой траве. И тут оказалось, что Чапаев читает карту слабовато. Тухачевский дружески хлопнул его по плечу:

— Легендарный вы начдив, Василий Иванович, а подучиться вам надо!

Чапаев, тербя усы, озорно улыбнулся:

АНАТОЛИЙ
РЫБАКОВ:

3 «ПРАВДУ ГОВОРИТЬ ДО КОНЦА»

«Я слышала, что в ближайших номерах журнала «Дружба народов» будет опубликована 2-я часть романа А. Рыбакова «Дети Арбата». С нетерпением жду эту публикацию. А пока мне хотелось вас попросить рассказать на страницах

«Кругозора» о писателе А. Рыбакове, его жизненном пути и о дальнейших планах».
Н. Струева

ЭТО ВРЕМЯ
С ПРАВДОЙ ВДВОЕМ

Беседа с писателем
Анатолием Рыбаковым —
на третьей
звуковой
странице.

Вся его нынешняя жизнь подчинена работе. Вся, до последней минуты. Он торопится. Не потому, что ему 77 лет и не бесконечна, как говорится, земная юдоль, а потому, что его торопят читатели. Миллионы читателей. Те, что познакомились с новым романом Анатолия Наумовича Рыбакова «Дети Арбата». Они ждут продолжения, продолжения правды, открытого, честного мужественного разговора.

В шесть часов утра писатель уже за письменным столом. Перед ним — ручка, чернила. Пишущей машинкой Рыбаков не пользуется. Слово должно чувствовать тепло руки, считает он. Час за часом на белые листы ложатся мрачные страницы истории — Рыбаков переживает эпоху сталинских репрессий, дела давно минувших и не ушедших из памяти лет. Судьбы героев его романа — это живые судьбы живых людей. Писателю не надо было выдумывать своих героев, они — он сам. И Саша Панкратов отражает жизнь своего создателя. И сам Сталин, как бы это ни кощунственно звучало, тоже часть прошлого писателя Рыбакова. Ведь именно рядом с ним, с тираном, писатель прожил, как и миллионы людей, свою жизнь, создавая биографию эпохи.

Роман «Дети Арбата» — подвиг. О нем можно так сказать. Тридцать лет тяжелейшего труда: изучение архивов, встречи с участниками событий, бесконечные раздумья, анализ событий недавнего нашего прошлого. Но главное, по моему, — это мужество Рыбакова, ведь он сознавал, что шансов на публикацию мало, поэтому работал, как говорится, в стол. Никто не гарантировал обнародования романа, никто не заключал с писателем авторского договора. Но Анатолий Наумович верил, что работает не зря.

— И все-таки не было бы апреля 1985 года, — говорит он, — не было бы у читателей и этого романа.

Я бы сказал больше: то, что где-то в переделкинской ауре витал дух этого смелого художественно-полотна, почти мистически, подосознательно влияло на изменение общественного климата. Прочитанный еще в рукописи роман вызвал восторженные оценки видных деятелей культуры.

«...Вы написали грандиозное произведение о 30-х годах, дали углубленный разрез общества от ЦК партии «до самых до окраин», показали многие стороны жизни того времени, почти не отраженные в литературе. Именно в этой вашей попытке мне видится подлинное новаторство романа. Но, может быть, самая главная его ценность в том, что подано все с позиции правды, без утайки, оправданий, не закрывая глаза на

трудное, ужасное, а то и преступное... Василь Быков».

В этой оценке, мне думается, нет преувеличения: выход долгожданного романа, книги всей жизни писателя, стал событием в нашей общественной и культурной жизни. Вот уже два года «Дети Арбата» — один из самых популярных романов. И не только в нашей стране. Многие зарубежные издательства выпустили книгу большими тиражами. Роман стал мировым бестселлером.

И здесь мне хочется заметить, что при всем этом новая книга А. Н. Рыбакова не перекрыла интереса к замечательным произведениям писателя, написанным давно, таким, как повести «Кортик», «Бронзовая птица», «Приключения Кроша»... Ведь они и сегодня не теряют своей актуальности, воспитательного воздействия.

Имя Анатолия Рыбакова давно известно в читательском мире. Новое произведение еще раз доказало, что настоящий художник не обманывает надежд читателя. Во всех его романах и повестях заложены мощный заряд творческой энергии, его художественный дар как бы не раскрывался во всю мощь, чувствовался запас, горизонты новых художественных открытий. И читатель не обманул. Не обманул читателя и Рыбаков.

— Никто уже не верил, что «Дети Арбата» когда-нибудь будут напечатаны, даже мой самый большой друг, жена, не верила, а я не останавливался: все дела нужно доводить до конца, — говорит Анатолий Наумович.

И еще более решительно продолжает:

— Мы должны создать новую нравственную атмосферу в обществе. И прежде всего в каждом из нас. Мы должны нравственно переделаться, мы должны научиться мыслить смело, свободно, решительно. Это процесс долгий, но необходимый, и мы должны пройти его до конца... Для этого нам нужна правда, а для правды — очищение. Конечно, «Дети Арбата» — это книга моей жизни. Но стоять на месте я не могу и не буду. Закончен новый роман — под условным названием «1935-й и другие годы». Он будет печататься в журнале «Дружба народов». Роман тяжелый, тяжелые годы... Написать обо всем, что происходило тогда, очень сложно, психологически сложно, но — надо... Раз уж говорить правду, то нужно говорить ее до конца.

Разговор с писателем проходил в Переделкине, где он живет уже много десятилетий, лишь изредка выезжая в Москву. Здесь легко дышится, здесь замечательная природа, здесь никто не мешает работать.

Феликс МЕДВЕДЕВ
Фото С. ГОЛУБКОВА

Мы об одном всю жизнь мечтаем: быть понятым и понимать. Учите нас, в других вставая, снять отчуждения печать. Чтоб благодарно замолчать, в глазах друзей себя читая...

Тихий перезвон гитары. Простые, проникновенные слова. Незатейливая мелодия. И — теплое, понимающее молчание зала.

Наверное, у каждого талантливого исполнителя авторской песни есть несколько произведений, в которых наиболее выпукло отражается главная тема его творчества, его отношение к людям.

Для Георгия Васильева и Алексея Иващенко таким камертоном, на который они настраивают лад своих песен, стала тема преодоления отчуждения между людьми.

Имена молодых авторов стали широко известны многим после исполнения ими в 1986 году на I Всесоюзном фестивале самодеятельной песни в Саратове иронически-лиричной «Глафиры».

А между тем «Глафира» — вовсе не первое произведение молодых исполнителей. За плечами авторские вечера в Москве, Ленинграде, Казани, Вильнюсе, Душанбе, Костроме...

Что же объединило их в дуэт?

— Еще десять лет назад, будучи студентами географического факультета МГУ, Алексей и я сотрудничали в музыкальном студенческом театре, — рассказывает Георгий Васильев. — Случилось так, что мы не только стали вместе сочинять песни, но и писать сценарии, ставить спектакли. Видимо, каждый из нас нашел в другом то, чего ему не хватало.

Свежесть и оригинальность исполнения и — эстрадный непрофессионализм. Как совместить эти начала? Впрочем, по мнению авторов, никакого противоречия здесь нет. Именно наличие главной профессии (Васильев — градостроитель, а Иващенко — актер), необходимость активно участвовать в общественной жизни коллективов, много ездить, общаться с людьми как раз и дают возможность видеть мир под своим углом, думать и писать свободно, без штампов.

— Есть в науковедении такое понятие — «парадигма», — размышляет Георгий Васильев. — То есть образец для подражания. Ньютон, написав свои «Начала» и «Оптику», показал, как делать науку, и тем создал свою парадигму. Страшного вроде ничего нет. Но с тех пор все, что не походило на эти работы, включая квантовую механику и теорию относительности, долгое время считалось неприемлемым.

Демократия и гласность стали той плодородной почвой, которая вызвала в жизнь множество ростков на ниве нашего искусства. Стимул гражданственности — один из важнейших побудителей творчества. Видимо, мало кто знает, что исполнитель своих песен Георгий Васильев и автор острой статьи в «Московской правде» о проблемах борьбы с бюрократией в науке — одно и то же лицо.

Такова жизненная позиция, и она объясняет тягу молодых исполнителей к жанру сатиры. Кто не помнит ироничное высказывание одного из героев фильма «Гараж»: «Вы пишете о советской сатире? Счастливый

ТОВАРИЩ-ПЕСНЯ

На шестой
звуковой
странице
Г. Васильев
и А. Иващенко
исполняют
свои песни:
«Глафира»
и «Песня
про тесто»
(стихи
Б. Бурды).

СНЯТЬ ОТЧУЖДЕНИЯ ПЕЧАТЬ

человек, вы занимаетесь тем, чего нет».

А что думают по этому поводу Георгий Васильев и Алексей Иващенко? Остались ли сегодня в песенном сатирическом жанре препятствия?

— К сожалению, это заблуждение, что ныне можно петь решительно все, — считают авторы. — Точнее, сейчас можно говорить больше. Как-то мы с ходу насчитали порядка двадцати тем, на которые не принято писать песни.

— В прошлом году мы как-то дали прослушать «Песню про тесто» на стихи Б. Бурды, — вспоминает Алексей Иващенко. — В ней говорится, что многие из нас подобно плохим хлебобулочным изделиям сделаны из одного теста — пресного, вязкого, быстро плесневеющего. Иными словами, не хватает в нас дрожжей активности, протеста против всего старого и косного. И что же? Нам сказали: «Ни в коем случае!» — «Помилуйте, да отчего же? Ведь это все в духе перестройки!» — «Да, если бы это был газетный текст». — «А песня?» — «Песня — это слишком сильно».

Не будем обольщаться. Хотя самодеятельная песня на подъеме, еще немало преград на ее пути к слушателю.

Но сегодня это лишь усиливает страстное желание молодых исполнителей быть услышанными. Их стремление к единению, восстановлению теплых душевных нитей между людьми.

Н. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
Фото А. ЛИДОВА

В музыкальном календаре 1988 год — год столетия Г. Г. Нейгауза, замечательного советского музыканта, педагога, пианиста, искусствоведа. В студии «Кругозора» собрались его ученики — профессор, народный артист РСФСР Е. В. Малинин, профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР Л. Н. Наумов, дочь Г. Г. Нейгауза М. Г. Нейгауз, критик Г. С. Кухарский, комментатор журнала А. И. Гальперин. Шестым «собеседником» стали фрагменты писем Генриха Густавовича.

Разговор о Нейгаузе, его жизни в искусстве, педагогике, исполнительстве начался с «формулы» С. Е. Фейнберга, приведенной как-то самим Нейгаузом: «...качество пианиста определяется четыреххвосткой: первое — человек, второе — художник, третье — музыкант, четвертое — пианист...»

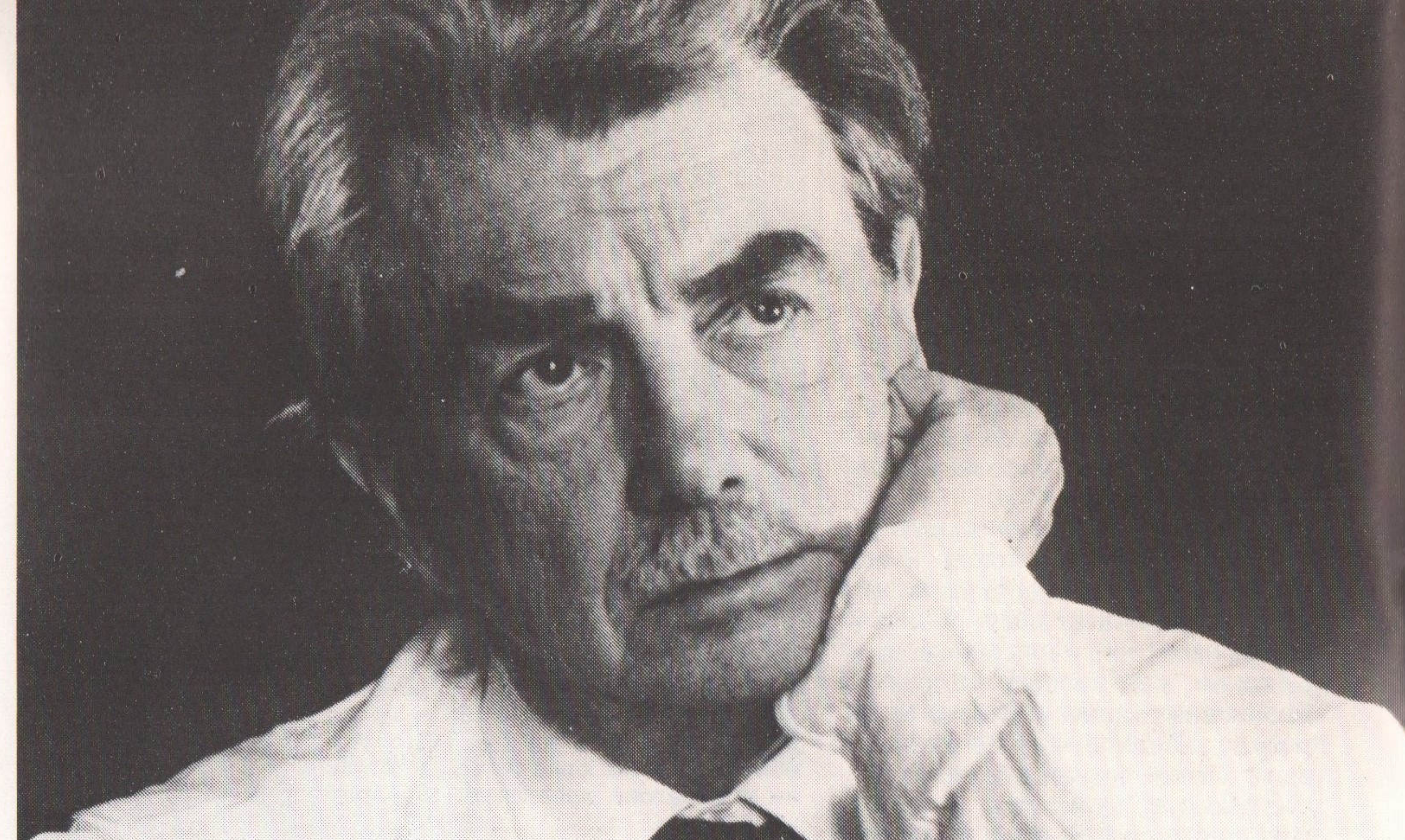
— Если приложить эту формулу к самому Нейгаузу...

Е. Малинин: В формуле важен порядок ценностей; но, по моему, Г. Г. «обнимал» сразу все ипостаси, и во всех этих измерениях был прекрасен. Он был не только гениально одаренным человеком, он еще формировался в кипящей музыкально-общественной атмосфере XX века. Возьмите его педагогику. Узко обучением игре на фортепиано он, конечно, не занимался. Он обучал в широком смысле слова музыку через фортепианную игру...

Из неопубликованных писем.
Г. Г. Нейгауз — И. Шумской.
6. 10. 1948 г.

«Как бы ни были дубоваты ученики — говори им не только о приемах и технике, но всегда и о музыке...»

Л. Наумов: Обучение музыке шло на «открытых уроках» Г. Г., где мы все были заморожены, конечно, его удивительно образными ассоциациями. 7-ю вариацию из «Симфонических этюдов» Шумана он сравнивал с молниями и выкорчеванными бурей деревьями на полотнах голландца Рейсдала. Мибемоль минорная прелюдия из I тома «Хорошо темперированного клавира» Баха ассоциировалась с белым мрамором кладбища и черными кипарисами. Вступление к 4-й сонате Скрябина — со звездным небом, видимым сквозь верхушки сосен... Но хотелось бы сказать о другом. Сейчас мы испытываем ностальгию по широко одаренной творческой натуре, по личности «возрожденческого» плана вроде Леонардо да Винчи. Человек стал профессионалом, но лишился широты взгляда. Специализация «съела» масштаб личности. Такие люди, как Нейгауз, постепенно исчезали, а многим из них помогли исчезнуть. Но в том-то и дело, что эти люди нам нужны сейчас больше всего.

Я НЕ ЖАЛЕЮ...

— Открытые уроки... Не кажется ли вам, что и самому Нейгаузу они были необходимы, как театр, как сцена. Хотя, когда скрипач Сигети узнал о количестве его учеников, то воскликнул: «Это же самоубийство!..»

Е. Малинин: Нет, не театр, а именно сцена. Урок был для него концертом. Если бы в классе был один ученик, то Г. Г. давал бы свой концерт для него одного. Его натура артиста в этом нуждалась. А артистичен Нейгауз был во всем. Как он носил одежду! У него был едва ли не один-единственный костюм, но в боковом кармане пиджака сверкал белый платочек, и вид был такой, будто он только что от парижского портного. Это был естественный для него артистизм...

Г. Г. Нейгауз — А. Шмидт-Нейгауз. 1940 г.

«У меня превосходные ученики, особенно один — Святослав Рихтер — прямо-таки гениальный человек. Наизусть знает всего Вагнера, а также Шрекера, Р. Штрауса, все оперы мира, Стравинского. Он за две недели выучил концерт Брамса В—dur и блистательно сыграл его. Такого ученика у меня еще НИКОГДА не было...»

М. Нейгауз: Эта увлеченность людьми, искусством была в нем поразительна. Сотни раз, вероятно, он слышал Шестую симфонию Чайковского, и все же, когда ему в руки попала партитура, он писал: «Я не могу к этому привыкнуть, это меня тронуло до слез, ужасная вещь!..» Его божеством была и поэзия.

Г. Г. Нейгауз — Е. А. Софроницкой. Кисловодск, 1938 г.

«...Погружен в стихи, главным образом Рильке (чудо из чудес, любимейший), Верлен, Пастернак, Блок, Хлебников и другие — и — Шекспир! Опять совсем по-новому восприни-

маю, временами совсем обалдеваю. То ли нервы паршивые, то ли старость одолевает, но над стихами слезы лью...»

На фото: в классе Г. Г. Нейгауза. 1940 г., за роялем — С. Рихтер. Артур Рубинштейн и Генрих Нейгауз, последняя встреча. 1964 г.

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

На пятой звуковой странице слушайте запись — фрагмент третьей сонаты Шопена си минор. Исполняет Г. Г. Нейгауз.

по-романтически играл Шостаковича...

Е. Малинин: А разве это плохо? Г. Кухарский: Не знаю... Е. Малинин: А я думаю, что это хорошо. Если музыкант — романтик, почему он должен ломать себя? Когда Нейгауз находил романтизм и лирику в Прокофьеве, я становился богаче... Л. Наумов: Это так, но надо иметь в виду, что его лирика, его «чувство» соседствовало с безупречным вкусом. Особенно в отношении классики — Баха и Шопена. Тут он был крайне строг. Вот эту строгость вкуса он стремился передать своим ученикам... М. Нейгауз: И своим детям, хотела бы я добавить, из которых

один — Станислав — был и крупный музыкант, и один из любимых учеников отца. Всего у него было трое детей — Адриан, Станислав и я, и относился он к нам замечательно...

— Какое ваше самое раннее впечатление об отце?

М. Нейгауз: Не музыкальное. Мне было лет пять. Помню, отец сидит за столиком, разбирает партию в шахматы, и я верчусь тут же. Он не был сильным шахматистом, но дебюты знал превосходно. Играть я научилась у него, потом уж, в студенческие годы, обыгрывала его. Шахматные гены вообще во мне бродили, мамин двоюродный брат был чемпион мира Алехин...

— Почему вы сказали Алехин, а не Алёхин?

М. Нейгауз: Дома его звали Алехин. Возвращаясь к «детской теме», хочу сказать, что Адриана не сумели спасти во время эвакуации, он болел туберкулезным менингитом и после 5-летней болезни скончался. Отец ужасно переживал эту трагедию. Он часто говорил: «Нейгаузам не везет...»

Е. Малинин: Однажды он проворчал: «Нейгауз, Нейгауз, вот стану скоро Новодомовым, будете тогда знать...»

М. Нейгауз: А в письме из Баку подписался однажды: «Нейгаузаде...» Он считал, что не везло и Станиславу, чья пианистическая судьба несла на себе отсвет и отцовской жизни. А она не была легкой. Во время войны, в 1941 году, он не смог выехать из Москвы, ему надо было взять нас, четверых, и ехать, но тяжело была больна моя бабушка, и бросить ее он не мог. 4 ноября 1941 года его арестовали.

Г. Г. Нейгауз — З. Н. Пастернак. 1941 г., август — сентябрь.

«...Во время войны трижды на радио играл (по 9 минут), но денег еще не получил. Дежурил уже раз на крыше нашего дома. Обычно в нашем подъезде. Работать и думать о музыке еще не научился...»

М. Нейгауз: К нам пришли в 4 часа утра. Когда меня разбудили, папы уже не было дома, и у нас производился обыск. Рылись во всем, и всех водворили в две комнаты — у нас жил в то время и Рихтер. Наш бедный отец пробыл в тюрьме почти 9 месяцев. Как он потом говорил, он жил в отеле «Лубянка». Там было голодно, давали суп из селедочных хвостов и кусок хлеба. Передачи нам не разрешались. Позволили через полгода, когда у него началась цинга и выпали зубы. Помню, как М. В. Юдина, Э. Г. Гилельс, Я. И. Зак, Е. А. Софроницкая и другие собирали ему продукты. И вдруг 19 июля 1942 года — зво-

нок в дверь, я открываю и вижу папу. Свой восторг помню до сих пор. Ему присудили высылку в Свердловскую область, но Э. Г. Гилельс, который, по моему, ходил не только в обком, но и в НКВД, выхлопотал ему (вместе с другими педагогами) право жить в Свердловске и преподавание в консерватории.

Г. Кухарский: Меня однажды потрясла его фраза о том времени: «Самое страшное было, что я оттуда выходил, а следовательно мой в этом аду оставался». Вот такая была мера его человечности...

— Мы несколько запутанным образом возвращаемся к педагогике Нейгауза... Как вы думаете, прав ли был Я. И. Зак, называя Нейгауза мастером музыкальных фресок, показывающим ученику цель, но не слишком объясняющим, как к ней надо идти, в противовес К. Н. Игумнову — «ювелиру», который очень подробно объяснял технологию...

Е. Малинин: Категорически не согласен с этим. Генрих Густавович мог, если надо, возиться с технологией очень долго и подробно. Он мог объяснить и показать все...

Л. Наумов: Тут, мне кажется, у двух гигантов музыкальной педагогики просто разные пути — от общего к частному у Нейгауза, от частного к общему у Игумнова...

Е. Малинин: А «конструкцию» позднего Бетховена — сонату опус 110, как он подробно и тщательно, до мелочей показывал! Я помню до сих пор, как он объяснял, почему там два ариозо, почему две фуги, а начало — как сотворение мира... Хочу добавить: мы все, впитывая то, что он показывал, играли по-разному. Он исходил из нашего человеческого естества...

Г. Г. Нейгауз — Л. Погосовой. Москва, 31 мая 1949 г.

«О чем писать? Работа, работа и работа, иногда по 14 часов в день музыки — класс, концерт, выпускники, экзамены, в голове — дым!.. Что же делать? Я на стороне Маяковского: «Ненавижу всяческую мертвечину, обожаю всяческую жизнь!..»

М. Нейгауз: Тут приводили слова Сигети насчет «самоубийственного» количества его учеников. Так вот однажды он писал И. С. Козловскому: «Твое письмо особенно тронуло меня. Почему? Потому что ты понял, сколько жертв я принес этому делу, воспитанию нашей чудной, треклятой, сволочной, божественной молодежи. Я их обожаю, мерзавцев, — и как начал этим делом заниматься — так понял «коготок увяз — всей птичке пропасть». И не жалел, не жалел! Конечно, я дурак с точки зрения личной выгоды, личного успеха, но Я НЕ ЖАЛЕЮ!»

М. Нейгауз: И своим детям, хотела бы я добавить, из которых

один — Станислав — был и крупный музыкант, и один из любимых учеников отца. Всего у него было трое детей — Адриан, Станислав и я, и относился он к нам замечательно...

— Какое ваше самое раннее впечатление об отце?

М. Нейгауз: Не музыкальное. Мне было лет пять. Помню, отец сидит за столиком, разбирает партию в шахматы, и я верчусь тут же. Он не был сильным шахматистом, но дебюты знал превосходно. Играть я научилась у него, потом уж, в студенческие годы, обыгрывала его. Шахматные гены вообще во мне бродили, мамин двоюродный брат был чемпион мира Алехин...

— Почему вы сказали Алехин, а не Алёхин?

М. Нейгауз: Дома его звали Алехин. Возвращаясь к «детской теме», хочу сказать, что Адриана не сумели спасти во время эвакуации, он болел туберкулезным менингитом и после 5-летней болезни скончался. Отец ужасно переживал эту трагедию. Он часто говорил: «Нейгаузам не везет...»

«РИТОН» — СИМВОЛ УДАЧИ

Весна 1978-го. Москва. Дождь накатами заливает асфальт. У центрального входа во Дворец спорта промокшие фигуры в ожидании лишнего билета...

В тот день в Лужниках вновь «стартовала» ежегодная эстрадная программа «Мелодии друзей». Одним из самых ярких было выступление болгарского дуэта «Студио-2» (прежнее название «Ритона»). Так я познакомился с Катей Михайловой и Здравко Желязковым. Катя и Здравко приехали в столицу, только что сдав дипломные экзамены на эстрадном отделении Софийской консерватории. С тех пор они уже восемь раз побывали на гастролях в СССР. Но свой дебют на московской сцене вспоминают при каждой нашей встрече. Любопытно, что в студенческие годы Катя могла бы, вероятно, выступать в тех же Лужниках как спортсменка-волейболистка в составе болгарской команды «Локомотив». Однако встреча со Здравко Желязковым решила ее судьбу в пользу эстрады, в пользу их дуэта, ставшего вскоре семейным.

На девятой звуковой странице в исполнении дуэта «Ритон» слушайте песни «В дискотеке» (И. Пеев, Ж. Колев) и «Ты — моя жизнь» (Т. Русев, Д. Ценов).

На фото дуэт «Ритон» и артистки шоу-балета.

9

ЕСЛИ МЫ ПОДРУЖИЛИСЬ В МОСКВЕ

Кстати, Катя прекрасно готовит горячие блюда. Здравко не уступает жене в искусстве кондитера — печет вкуснейшие торты. К сожалению, судьба артистов не позволяет дружной семье почаще радовать друзей своим кулинарным мастерством.

Новый символ дуэта — ритон, золотой бокал в виде охотничьего рога. Десять таких бокалов были найдены болгарскими археологами в Панагюрской сокровищнице. Судя по тому, что более десяти лет дуэт «Ритон» в ряду самых популярных в Болгарии, символ себя оправдывает.

С первых же записей на радио и телевидении Катя и Здравко привлекли внимание публики и специалистов. Популярный болгарский композитор Зорница Попова первая протянула руку молодым певцам, и с ее песнями они успешно предстали на Бургасском фестивале. Затем песня «Должна ждать» этого же композитора в их исполнении взлетела на верхнюю ступеньку «музыкальной лестницы» Болгарского телевидения.

«Мы надеялись выработать собственную манеру, чтобы нас не сравнивали с другими, и, признаться, старались удивить своего зрителя», — рассказывала мне Катя. Но постепенно ребята поняли, что главное, не допуская компромиссов, тщательно обдумывать и отрабатывать и репертуар, и свой, не похожий на других сценический облик. А поражать зрителей должно высокое мастерство. Надо сказать, что болгарские исполнители ежегодно совершают по стране турне. И каждый раз, чтобы не повторяться, им приходится выступать с новой программой. Не все выдерживают такой марафон. Дуэту «Ритон» это удается.

Они добились успехов на многих международных фестивалях и конкурсах, в том числе в Ростове и Дрездене (ГДР), на Кубе. Гастролировали в Югославии, Польше, Венгрии, Греции, ФРГ, на Кипре. Теперь им пишут песни самые известные композиторы Болгарии. «Некоторые считают, что «Ритон» способен «вытянуть» любую песню, — сказал в одном из интервью композитор Тончо Русев. — Но так может думать человек, не знающий принципов этих исполнителей. Они никогда не возьмутся за песню, которая не близка им по духу. Они поют только свое!»

Филипп КИРКОВ

С чего бы начать разговор о пении китов? С того, что это удивительные животные, уму и интеллекту которых я не устаю поражаться в течение десятков лет? С их общих фантастических «рекордных» данных вроде размеров, веса и огромной, сорокакилометровой, скорости? Нет, нет, погодите. И о пении их будет сказано чуть ниже. А сейчас, пожалуй, о главном в жизни этих исполинов. Вот только-только, с 1986—1987 годов, в мире введен всеобщий запрет на промысел китов. Само собой это относится и к нашей стране.

Что же случилось в мире с китами? Многие слышали или читали о старой гарпунной пушке, которую в 1864 году придумал норвежец Свенд Фойн. За сто лет гарпун превратился в страшное оружие: 5-пудовый снаряд с восьмикилограммовой гранатой убивает кита с первого выстрела. Не буду говорить о технике поиска, добычи и разделки туш прямо в океане — она на уровне XX века. Каков же был результат охоты человека на кита? Из 300 тысяч синих китов осталось 10 тысяч. Горбачьих китов было 100 тысяч, осталось около 5 тысяч. Ценнейших гренландских китов было 50 тысяч, сейчас их едва наберется 4 тысячи. Китами — гордости животного мира планеты — грозил полное истребление. Теперь, может быть, наступит медленное, очень медленное, постепенное восстановление их численности.

Вот если бы китам этот акт международной гуманности стал бы известен, они, вероятно, спели бы в честь него лучшую из своих песен. И так, о поющих китах, об излучаемых ими звуках.

Откройте книжечку замечательного канадского писателя, эколога Фарли Моузта. Она называется «Кит на заклание». Там описывается китиха, попавшая в западню, в заводь. Моузт как раз рассказывает о моменте, когда он на лодке, заглушив мотор, приблизился к китихе, которая вела себя очень странно. Она была почти в самой бухте и быстро носилась по

кругу диаметром не больше 200 метров, всплывая, чтобы набрать воздуха, через одну-две минуты. «На нас она не обратила никакого внимания и продолжала по-прежнему ненадолго всплывать... Тут-то я и услышал опять тот гул, который в свое время слышал голосом финвала... Как и в первый раз, мы не услышали, а скорее почувствовали низкий звук — нечто вроде басовой органной ноты, донесшейся откуда-то издалека, сквозь туманный воздух. Звук этот вызывал душевное волнение, он был чужд нашему миру и казался явлением почти сверхъестественным...» Потом, когда Моузт услышал этот звук еще раз — долгий, низкий стон — его спутник Оуни «словно окаменел» и потом, придя в себя, с волнением произнес: «Она... она нам что-то сказала!»

Отмечу в скобках, что не надо понимать эти слова буквально. Прямо сопоставить этот стон или крик с «изреченным словом», конечно, нельзя. Это был, по-видимому, низкочастотный звук на границе инфразвуков (человеческое ухо их не улавливает) и слышимых звуков (недаром Моузт пишет: «Мы не услышали, а скорее почувствовали»). Надо сказать, что звуки китообразных делятся на две категории — эхолокационные (высокая частота), обеспечивающие животным ориентировку в водном пространстве, и коммуникационные (низкая частота) — подача информации сородичам.

Другой известный исследователь китообразных, Виктор Шеффер из Сиэттла (США), пишет, например, о кашалотах: «Как слепой человек, живущий в лесу, узнает птиц по голосам, так и кашалот умеет узнавать китов, встречающихся на его пути. Некоторые звуки смутно ему знакомы с самого рождения. Это голоса других зубатых китов, его ближайших родственников. Голоса всех усатых китов более грубы и резки — они, должно быть, непонятны маленькому кашалоту. Еще в младенчестве он часто слышит вдалеке какое-то странное, причудливое, ни с чем

На четвертой звуковой странице Авенир Григорьевич Томилин продолжает рассказ о пении китов и комментирует записи этого пения, произведенные в Атлантике, близ Бермудских островов.

не сравнимое сочетание звуков, которое мы приняли бы за какофонию скотного двора: скрипы, хрюканье, мычание, вскрики, стоны, присвисты, лай...»

Каким образом издаются эти звуки? Была такая гипотеза, что усатые киты издают их не при помощи трех пар воздушных мешков, связанных с носовым каналом (как у дельфинов), а одного огромного мешка, который заключен в их головном отделе. Но каков механизм выталкивания воздуха из этого мешка, как из этого действия рождается звук — этот вопрос не изучен.

Естественно, ученые, обратившие внимание на этот феномен, постарались записать на пленку голоса китов. Считалось, например, что усатые киты чуть ли не немые — все или почти все. Но когда исследователи вооружились гидрофонами, они с удивлением обнаружили, что китообразные едва ли не самые разговорчивые из всех обитателей планеты. Правда, ни смысл, ни назначение издаваемых ими звуков пока не поддаются расшифровке или объяснению в полной мере. Некоторые звучания напоминали, как было сказано, музыку, иные сложные комбинации щелчков и свистов похожи на кодированные радиодиаграммы. Удастся ли нам разобраться в этих кодах?

Первые записи появились в 1951 году. В 1968 году калифорнийский исследователь Поултер Томас записал голос серых китов в лагуне Скаммона, где они выкармливали своих детенышей. Гидрофоны устанавливали в 1,5 метра выше дна, на середине входа в лагуну. Самки с детенышами, проходя мимо аппаратуры, проявляли высокую звуковую активность. Они издавали скрежет продолжительностью в несколько секунд, а во время тревоги, когда к китам приближался вертолет, — звуки китайского гонга.

У горбачьих китов исследователи Ховард Винн и Пауль Перкинс записали сигналы, похожие на рев, крик, щелбет, стон и храп. Поддержка связи между сородичами, как показали на-

блюдения, возможна на расстоянии до 10 миль.

Но совершенно особые звуковые сигналы были открыты Роджером Пэйном и Скоттом Макуэем в 1971 году. Оказалось, что горбачьи киты производят серию варьирующих звуков продолжительностью от 7 до 30 минут, которые затем повторяются. Из-за мелодичности такие звуки названы как у птиц — «пением». Французские гидробиологи Филипп Кусто и Эжен Лагорио в районе Бермудских островов ночью записали настоящий концерт, в котором участвовало около сотни горбачьих китов. Стадо издавало до тысячи разных звучаний. Тут можно было различить и трели, и скрипы, и вой, и жужжание, и рев оленя, что-то вроде писка мышей. «Хоровой ансамбль» горбачьих китов напоминал звуки группы школьников, вслух твердящих урок. «Концерт начался с того, что запел один кит, к нему присоединился второй, потом — третий, и, наконец, все пространство заполнилось звуками».

Какое значение имеет пение для горбачьих китов, остается пока тайной. По мнению Рождера Пэйна (кстати, сделанные им вместе с Кэти Пэйн записи, комментируются в «Кругозоре»), эти песни исполняются лишь молодыми самцами в брачный период и только в районах размножения — в водах Вест-Индии, Гавайских и Бермудских островов. Пение, как кажется, помогает китам передавать акустическую информацию о половой готовности самцов и служит средством привлечения особей другого пола. Возможно, что тут идут и другие сигналы. Во всяком случае, интересен физический эффект такого пения — аквалангисты, находившиеся возле китов, издававших звуки, рассказывают, что они чувствовали, как китовое пение буквально «давило» на их грудную клетку... ■

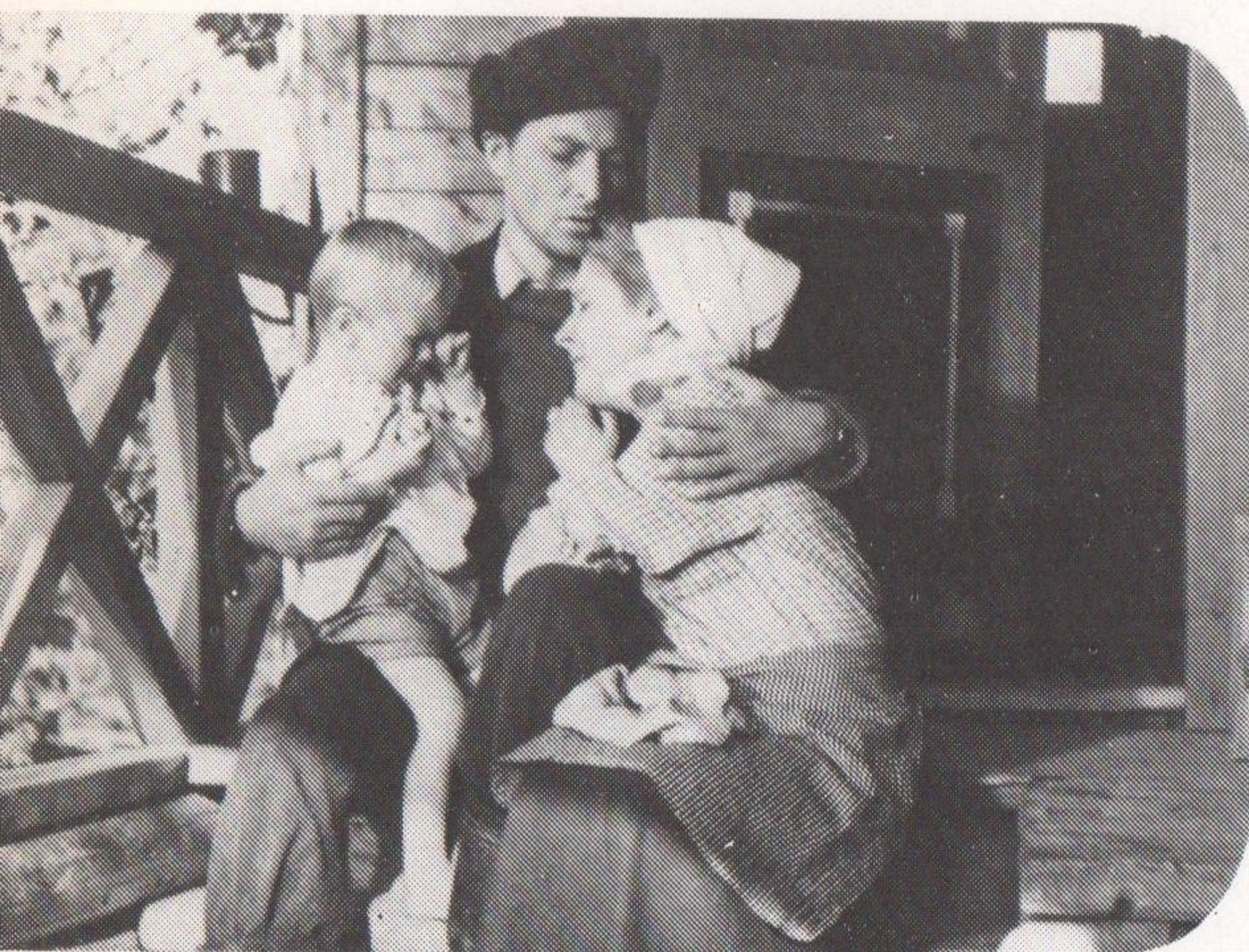
Авенир ТОМИЛИН,
доктор
биологических наук

Фото А. ЗОРИНА

4 СКАЖИ МНЕ, КИТ...

На седьмой звуковой странице вы услышите песни из кинофильма «Дело было в Пенькове» в исполнении В. Тихонова, Е. Семенкиной и А. Фроловой и размышления поэта Н. Доризо о судьбе этих песен.

А Я ЛЮБЛЮ ЖЕНАТОГО

На фото: кадр из фильма «Дело было в Пенькове».

7

Фильм «Дело было в Пенькове», откуда пошли в народ столь дорогие для многих наших читателей песни, в чем-то опередил свое время. Ведь снят он был на киностудии имени Горького в 1957 году. Многие в нем казались непривычным, непохожим на то, что обычно рассказывалось нашим кинематографом о жизни и людях села. И прежде всего главный герой Матвей Морозов, молодой с чужинкой парень, резкий в суждениях и поступках, отчаянный насмешник и бунтарь, протестующий против застоя жизни в родном колхозе, разоблачающий деляг и приспособленцев и не щадящий при этом ни старого, ни малого, ни самого себя. Как он разительно отличался от так называемых положительных героев тогдашних фильмов, одномерных, написанных будто бы одной розовой краской.

Фильмом этим, поставленным по одноименной повести Сергея Анто-

нова, громко заявили о себе и режиссер-постановщик Станислав Ростоцкий, и актер Вячеслав Тихонов, убедительно сыгравший роль Матвея. Счастливого оказалась и судьба песен, написанных композитором Кириллом Молчановым и поэтом Николаем Доризо. По первоначальному замыслу в картине должна была звучать только одна песня, которую герой пел для односельчан во время концерта на сцене нового клуба. Сочиняя ее, авторы отталкивались от сюжетных коллизий фильма. И даже назвали «Песня Матвея».

— Картина была уже снята, смонтирована, — рассказывает поэт Николай Доризо, — и тут я вдруг вспомнил о стихотворении «Я люблю женатого», сочиненном мною в начале 50-х годов и опубликованном в «Литературной газете». Тогда несколько композиторов написали на эти стихи музыку. Песни звучали с эстрады, но никакого резонанса у публики не получили.

«А ведь ситуация в них необыкновенно схожа с любовной коллизией нашей картины, — как-то подумалось мне. — Стихи так и ложатся на сюжет».

Со своей идеей Доризо помчался к Молчанову. Тот прочитал стихи, сел за рояль и моментально сочинил к ним музыку — настолько быстро, что оба были обескуражены. Довольные друг другом, они тут же отправились к Ростоцкому. В одном из павильонов студии отыскали рояль. Первыми слушателями вместе с режиссером оказались осветители, ассистенты, декораторы — те, кто находился в тот момент на съемочной площадке. Песня всем понравилась, но о включении ее в уже законченную картину, по словам огорченного Ростоцкого, не могло быть и речи.

— Разошлись расстроенные, — вспоминает Николай Константинович. — А через несколько дней звонит мне домой директор киностудии: — Что вы за песню с Кириллом Молчановым написали? — А в чем дело? — спрашиваю. — Да вся наша студия ее поет. На всех этажах только и слышишь: «Парней так много холостых, а я люблю женатого...» Приезжайте и покажите все-таки...

Приехали. Спели. И было решено: доснять несколько монтажных планов специально для этой песни. А потом ее подхватили и запели повсюду.

Ю. БИРЮКОВ

Три года, открывая литературные журналы, мы не устаем удивляться неистощимости наших архивов. Но, кажется, теперь можно предсказать предстоящий публикаторский спад.

Еще в прошлом году, когда публикаторский бум все нарастал и в глазах рябило от заманчивых названий произведений Булгакова, Платонова, Пильняка, Замятина, Набокова, вынесенных в анонсы журналов, мы все же помнили: главные романы Платонова, Пастернака, Замятина, Гроссмана все еще не опубликованы. И вот теперь эти вещи, без которых непредставима история литературы XX века, сошли на журнальных страницах.

«Чевенгур» Андрея Платонова («Дружба народов», 1988, №№ 3, 4), «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана («Октябрь», 1988, №№ 1—4), «Доктор Живаго» Бориса Пастернака («Новый мир», 1988, №№ 1—4), «Мы» Евгения Замятина («Знамя», 1988, №№ 4, 5) — случайно ли они предстают одновременно перед глазами современного читателя?

Принято считать: появление произведений, долгое время исключавшихся из истории советской литературы, расширяет границы нашего знания, формирует сознание читателя и т. п. Но можно поставить вопрос и по-другому: что изменилось в сознании общества, если оно сочло возможным вчитаться в книги тех, кого минувшее время так настойчиво отвергало?

«Самое трудное — быть пасынком времени, — размышляет герой романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». — Время любит лишь тех, кого оно породило, — своих героев, своих детей, своих тружеников».

Сам Василий Гроссман не относится к числу тех счастливых сыновей времени, которых ласкает породившая их эпоха.

Оттого и драматична судьба его самого значительного романа. В 1961 году писатель отдал рукопись «Жизни и судьбы» в журнал «Знамя». Трудно сказать, рассчитывал ли он на публикацию романа (сюжетно продолжающего известный его роман «За правое дело»), но уж, разумеется, не предполагал, что главный редактор журнала предпочтет переслать рукопись в КГБ. Роман был арестован, копии изъяты. И хотя сам писатель не был лишен возможности продолжать литературную работу, и даже выходили его книги, катастрофа с романом стоила Гроссману жизни: он умер спустя полтора года, пятидесяти девяти лет, не осуществив многих своих литературных замыслов.

«Пасынком времени» был и Андрей Платонов, чьи главные вещи дошли до широкого читателя только теперь, а с публикацией «Чевенгура»

писатель встал перед нами наконец во весь свой рост.

Шестьдесят лет потребовалось, чтобы понять: этот загадочный роман, начиненный гротесковыми деталями и какими-то фантастическими видениями, не злая сатира на революцию. Вовсе нет. Просто зрение Андрея Платонова было устроено иначе, чем у многих его современников, и в то время, когда они видели лишь внешнюю сторону вещей и рисовали радужные картины, не жалея розовых и голубых красок, Платонов пытался проникнуть во внутреннюю суть идеала. Он прозревал: вера, вызывающая желание с маху, наскоком установить всеобщее счастье, может привести к обществу чевенгурского образца.

Сейчас мы много говорим о тупиковых моментах нашей истории, о жертвах коллективизации и политических процессов тридцатых и сороковых, о губительных последствиях подавления свободы мысли для науки и культуры, для духовного состояния общества. Никто, кажется, не оправдывает трагических жертв, но одним из настойчиво звучащих является мотив неизбежности ошибки на неизведанных дорогах истории. Первопроходцы нового общества, мол, не ведали опасности, ожидающих их на этом пути. Никто, дескать, не мог их предугадать.

Неправда. Предугадывали.

Предстало же воображению Андрея Платонова в конце двадцатых годов мрачное видение чевенгурского коммунизма, рожденного из прекрасного порыва?

А художественному воображению Евгения Замятина в 1920 году, задолго до утверждения единовластия Сталина, на которого теперь справедливо возлагают ответственность за многие беды нашей жизни, явилось общество, осуществившее спустя столетия задуманный проект — общество принудительного счастья людей, лишенных личности (изображенное в романе «Мы»).

Почему же Замятин разглядел еще в 1920-м, в неясных очертаниях будущего фигуру Благодетеля, «мудро связавшего жителей Единого Государства по рукам и ногам благодетельными тенетами счастья?»

Мысль о недостижимости социальной справедливости и счастья путем уничтожения свободы — вот то общее, что объединяет все эти, столь разные романы А. Платонова, Е. Замятина, Б. Пастернака и В. Гроссмана.

Это та мысль, которая созрела в обществе сейчас, обратив наши взоры к пророчествам и предостережениям тех, кого не услышало время, сделав их своими пасынками, чтобы в будущем объявить пророками.

Алла ЛАТЫНИНА

ЛИТЕРАТУРА:
МЕСЯЦ ЗА

МЕСЯЦЕМ

На концертах «Скорпион» я стоял рядом с человеком почтенных лет — режиссером ленинградского цирка. Глядя на плотную, казавшуюся черной толпу «фанатов», выбрасывавших руки (пальцы — «рожками») в такт песням группы, мой сосед изредка бормотал про себя: «Да, другой век, другой век...» — и вглядывался в лица молодых, которые, казалось, впитывали, поглощали неведомые человеку много поколения импульсы. И он с некоторым страхом следил за тем, как из разных концов «стоячего», как в театре XVII века, партера на сцену летели бенгальские огни, оставляя в темноте светящийся след...

— Эта стрельба, конечно, вызывала у нас недовольство, — говорил мне в интервью замечательный певец Клаус Майне, чье спокойствие за кулисами казалось просто ненатуральным — настолько он поражал в концерте своей динамикой, темпераментом, силой голоса и еще чем-то неуловимым, что есть в крови настоящего артиста. — Вы видели, — заметил Майне, — наш импресарио специально обращался к публике, но толку никакого — на сцену бросали что попало...

Беды, однако, не случилось, пожара, к счастью, тоже. И, по-видимому, прав оказался Ленконцерт, решив все-таки проблему присутствия рядом с эстрадой нескольких сотен «аккомпанирующих» поклонников группы и показав московским устроителям концертов пример смелости и разумного подхода к молодежи, ждущей иных, непонятных моему соседу-режиссеру гармоний и ритмов.

— Как бы вы сами определили суть вашей музыки? — спросил я основателя ансамбля «Скорпион» (ему было, кстати, в момент этого основания 16 лет!) Рудольфа Шенкера, гитариста.

— В нашей музыке, — ответил Шенкер, — есть энергия, ритм и увлекающая мелодия. Программу свою мы строим по принципу пирожного «наполеон» — слоями. После ритмического номера идет то, что мы называем «балладой», — мы поняли, что

ЗНАКОМСТВА

РАЗВЕ Я МОГУ ЖИТЬ БЕЗ ТЕБЯ?

На одиннадцатой звуковой странице группа «Скорпион» исполняет две композиции Р. Шенкера и К. Майне из альбома «Дикарское удовольствие»: «Ритм любви» и «Верь в любовь».

баллады особенно ценимы советской публикой. О ней же я хотел сказать вот что. Одна из наших песен называется «Разве я могу жить без тебя». Именно в Ленинграде мы однажды говорили друг с другом о впечатлениях после концерта, и кто-то из ребят сказал: «Слушайте, эту песню про нас и про ленинградскую публику. Мы теперь уже «не можем жить без нее».

Разговор зашел об американских фанатиках хард-рока и металла.

— Конечно, публика там разная, — снова вступает в разговор Клаус Майне. — Иногда она определяется термином «боди-шейк» и часто переходит границы допустимого — мы тормозим тогда ее всячески...

— Вы в роли тормоза, — говорю я Майне, — немыслимо!

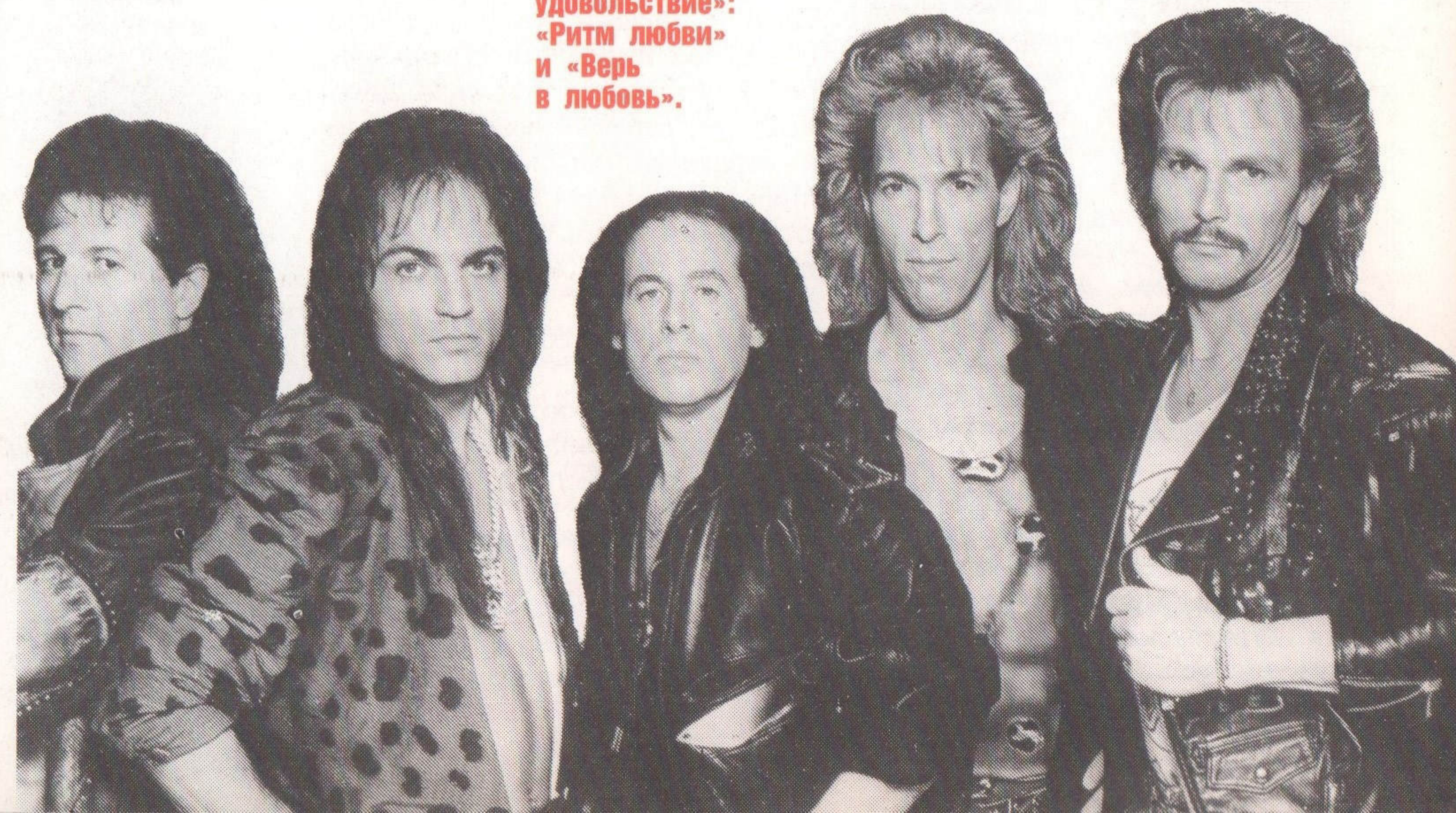
— Представьте себе, иногда бывает и так...

Вообще-то все бывает в жизни такой группы, как «Скорпион». Во второй половине 70-х годов, например, музыканты не могли пробиться, и путь наверх неумолимо вел их вниз. Было время, когда Шенкер запрещал Майне покупать сигареты, потому что на последние пять марок нужно было нанять машину и ехать играть в следующий зал.

Так, из чередования успеха и безвестности, понемногу начала строиться, по выражению «Скорпион», ступенька за ступенькой металлическая лестница, по которой группа вела свое небыстрое восхождение...

И тут, конечно, подумалось о том, что по лестнице музыки не бегут, что крупницы хорошего вкуса и в этом случае накапливаются медленно, точно так же, как в хорошем, тонком джазе: вдруг посреди сложной, запутанной импровизации блеснут знакомые несколько нот популярного мотива или классической арии и исчезнут... Точно так же и в концерте «Скорпион» внезапно сверкнули четыре ноты нашей «Эй, ухнем!», и зал благодарно взорвался аплодисментами. Публика и музыканты поняли друг друга.

Т. ДМИТРИЕВ

КАРЬЕРА «ЧЕРНОГО АНГЕЛА»

МАСТЕРА
ЗАРУБЕЖНОЙ ЭСТРАДЫ

10

полнительниц, мы бы оказались как раз за пределами рок-музыки и увидели бы, что верхнюю строку последних хит-парадов в США занимает молодая американская певица Уитни Хьюстон — негритянка, получившая прозвище «черного ангела». Хьюстон олицетворяет собой так называемую чистую, классическую негритянскую эстраду, она поет в стиле «соул», и ее исполнение можно назвать ну, что ли, «добропорядочным», без эксцессов. «Если угодно, это негритянский вариант Барбары Стрейзанд», — говорят американцы.

Какова же творческая и человеческая биография Уитни Хьюстон, стоящей — подчеркнем еще раз — на верхней строчке американских эстрадных барометров?

Можно сказать, что судьба ее была predetermined с детства. Мать — Сисси Хьюстон — известная исполнительница негритянских песнопений «госпелс». Пела и ее тетка — Даяна Уорзик. У шоу-бизнеса свои законы, и в 1983 году Сисси Хьюстон уговаривает свою сестру Даяну вложить часть средств в «продвижение» юной Уитни. Обе стареющие артистки пытаются найти для нее продюсера, фирму видеозаписи для клипов, наконец, авторов песен — главного элемента во всем этом деле. И все-таки, несмотря на очевидную одаренность Уитни Хьюстон, ее первая пластинка делалась целых два года.

Сценическая карьера певицы складывалась счастливо. Видимо, удачная музыка, тексты, талант и обаяние молодости (Уитни сейчас 24 года) сделали свое дело. Хьюстон стремительно взлетела к вершинам популярности. Пластинки ее (их пока всего две) имеют шумный успех, так же как и видеоклипы песни «Самая большая любовь».

Общественное, социальное лицо артиста всегда было важно, а в наше время особенно: гонорары от продажи видеокассет Уитни Хьюстон перечислила в Детский фонд ООН.

В. КАРПЕЧЕНКО

На десятой звуковой странице Уитни Хьюстон исполняет песни «Огромная любовь» (Мессер) и «Как мне узнать» (Меррал).

Кругозор

8 (293)
август
1988 г.
Год
основания
1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ
ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1988 г.

На первой
странице
обложки —
праздник
урожая
на кубанской
земле
Фото
А. Лидова

Звуковые
страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
14.06.88.
Подп. к печ. 29.06.88.
Б 04013.

Формат 84 × 108¹/₁₆.
Офсетная печать.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 3,50.
Усл. кр.-отт. 6,30.
Тираж 255 000 экз.
Зак. 2634.
Цена 1р. 50 к.
Ордена Ленина
и ордена
Октябрьской
Революции
типография
имени В. И. Ленина
издательства
ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».
☎ Телефон редакции:
241-67-67.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Технический
редактор
Л. Е. Петрова

СЛУШАЙТЕ
В НОМЕРЕ:

1 **Кубань: время перемен.** Размышления первого секретаря Курганинского райкома КПСС, делегата XIX Всесоюзной партийной конференции З. И. Боровиковой, председателя колхоза «Кавказ» А. И. Пахайло и механизатора В. П. Орехова.

2 **Маршал М. Н. Тухачевский.** Воспоминания Е. Н. Тухачевской и скрипача Д. М. Цыганова.

3 **Моя судьба — мои книги.** Интервью с писателем А. Н. Рыбаковым.

4 **Микрофон в глубинах океана.** Пение китов комментирует доктор биологических наук А. Г. Томилин.

5 **Играет Г. Нейгауз.** Шопен. Фрагмент сонаты си-минор.

6 **Авторская песня.** Г. Васильев и А. Иващенко исполняют «Глафиру» и «Песню про тесто».

7 **Музыка экрана:** песни из фильма «Дело было в Пенькове» исполняют В. Тихонов, Е. Семенкина и А. Фролова. Музыка К. Молчанова, стихи Н. Доризо.

8 **Смех в зале.** Е. Петросян читает монолог А. Левина «Гласность».

9 **Дует «Ритон» (Болгария):** «В дискотеке» (И. Пеев, Ж. Колев) и «Ты — моя жизнь» (Т. Русев, Д. Ценов).

10 **Уитни Хьюстон (США):** «Огромная любовь» (музыка Мессера) и «Как мне узнать?» (музыка Меррала).

11 **Группа «Скорпионс» (ФРГ):** композиции Р. Шенкера и К. Майне — «Ритм любви» и «Верь в любовь».

12 **Алла Пугачева:** «Монолог» (М. Минков, М. Цветаева) и «Гитара» (Р. Горобец, И. Резник).

На восьмой звуковой странице вы услышите монолог А. Левина «Гласность» в исполнении заслуженного артиста РСФСР Е. Петросяна.

ЧЕМ СЛУЧАЙНЕЙ- ТЕМ СМЕШНЕЕ

Однажды на каком-то совещании я услышал почти фантастическую цифру. Оказывается, только в Москонцерте артистов речевого жанра или, как их еще называют «разговорников», более двухсот! Прибавим сюда их коллег из Росконцерта, областных и республиканских филармоний, и мы получим едва ли не целую армию

артистов, несущих зрителям Его Величество Слово. Но я не стал заниматься арифметикой, а поступил проще. Вечером дома были гости, и я попросил их принять участие в интересной игре: кто назовет больше имен популярных или просто известных «разговорников». Победитель назвал всего десять фамилий. В первой пятерке был Евгений Петросян...

Действительно, среди любителей эстрады вряд ли можно встретить человека, не знакомого с творчеством заслуженного артиста РСФСР Е. Петросяна. На сцене он уже четверть века, а впервые выступил как профессионал на сцене Московского театра эстрады в программе «В жизни раз бывает 18 лет».

Амплуа, которое выбрал себе юный артист, сейчас можно занести в «Красную книгу», — конференсье. Но тогда, в шестидесятые, это была любимая зрителями, популярная на эстраде профессия. В созвездии прекрасных имен конференсье Е. Петросян не затерялся, не стал, как теперь говорят, «второй величиной», пробился в первые. И, как это часто бывает, на помощь тому, кто хорошо делает свое дело, пришел случай. В судьбе героя этих заметок он предстал в лице корифея эстрады Л. О. Утесова. Леонид Осипович приглашает Петросяна в свой знаменитый оркестр, хотя от этой чести не отказались бы и более именитые!

«Когда я работал у Утесова, — вспоминает те дни Евгений Ваганович, — то мы с ним разыгрывали большие импровизационные сценки... Это было необыкновенно интересно и... страшно. Каждый вечер, выходя на сцену, я не знал, что меня ожидает. Леонид Осипович был человеком необычайно остроумным и большим фантазером. Я считаю, что пять лет моей работы с ним — это годы учебы в Академии эстрады, если бы таковая существовала».

Так случилось, что и нас с писателем Виктором Коклюшкиным однажды пригласили в утесовский оркестр для выступлений в качестве авторов-исполнителей, а заодно и ведущих программ на время, пока был в отпуске штатный конференсье. И хотя это произошло почти год спустя после смерти Леонида Осиповича, в оркестре все еще жил веселый утесовский дух, и в большой чести были забавные импровизированные сценки, некогда разыгранные Мастером и Петросяном...

В 1974 году Евгений, уже будучи популярным конференсье, неожиданно расстается с этим жанром. Борис Брунов на вечере в Театре эстрады, посвященном 25-летию творческому юбилею Петросяна, скажет, что «своим уходом Женя нанес нашему жанру определенный урон». И утешит тем, что «все-таки выиграли артисты речевого жанра».

Тогда, в 1974 году, и появился тот Петросян, которого мы знаем сейчас. Но не лукавлю ли я, утверждая, что и сегодня Е. Петросян на сцене таков, каким был лет десять назад?

В том-то и дело, артист заметно изменился, стал, как бы это выразиться... Повзрослевшим, что ли, пришел он к своему юбилею. Он отказался от своей всегдашней гонки за репризами и больше не старается рассмешить нас во что бы то ни стало. Петросян стал глубже, остроумнее, я бы сказал, неожиданной, оставаясь верным своему прежнему искусству — жанру монолога...

Но за грехи молодости придется расплачиваться. Некогда, стремясь вызвать смех в зале, артист не раз заступал за черту хорошего вкуса, той золотой середины, которой учили всегда придерживать великие греки. А расплата настала Петросяна такая: даже почитатели его таланта, многие, во всяком случае, улыбаясь, что спектакль «Как поживаете?» — представление высокого класса, скептически пожимают плечами и не спешат кидаться в поисках «лишнего билетика». А зря! Ей-богу, зря! Придется артисту подождать, пережить и это. Главное, что спектакль действительно хороший. Он создан артистом в содружестве с его постоянными авторами, известными сатириками М. Задорновым, А. Хайтом, А. Левенбуком и А. Левиным. Режиссировали постановку А. Бармак и М. Задорнов. Вместе с Е. Петросяном в спектакле выступают молодые артисты, недавние выпускники театральных вузов, и давние, закаленные в сатирических перипетиях партнеры — Е. Степаненко и И. Рух.

На звуковой странице журнала вы сможете услышать знакомый голос заслуженного артиста РСФСР Евгения Петросяна, и убежден, улыбнетесь, как при встрече с добрым старым знакомым.

Владимир АЛЬБИН

Дружеский шарж
В. ШАРКОВОЙ

В девятом номере прошлого года мы опубликовали коллективное письмо читателей, в котором они высказывали идею о создании Театра песни под руководством Аллы Пугачевой. Певица с благодарностью отнеслась к дружеской поддержке всех, кто любит и ценит песню. Письма по этой проблеме приходят и по сей день, поэтому мы решили продолжить их публикацию на страницах журнала.

«Недавно по телевидению я услышала, что советская эстрадная музыка выходит из «застоя», мол, перестройка поставит все на свои места. Да нет, ничего не сможет стать на свои места, если только говорить громкие слова. Перестройка не фея, волшебной палочкой не взмахнет. Часто нашу молодежь упрекают в том, что она слишком уж увлекается западной эстрадой. Я думаю, что это зачастую происходит не потому, что у нас мало ярких, интересных дарований. Просто многим таким талантам дверь на эстраду плотно затворена, а это огромная потеря, чувствительный тормоз для совершенствования эстрадной музыки.

На двенадцатой звуковой странице вы услышите в исполнении Аллы Пугачевой «Монолог»

(М. Минков, М. Цветаева) и «Гитара».
(Р. Горобец, И. Резник).

12 ТЕАТР ПЕСНИ? ЭТО ВОЗМОЖНО!

И вот здесь как раз и встает проблема создания Театра песни. Я уверена, что такой театр позволит вывести советскую современную эстраду из этого самого «застоя». Вся молодежь, да разве только молодежь, надеется, что эта проблема будет решена. Т. Воеводина, г. Муром».

«Считаем, что вы затронули очень злободневную и важную тему, так как песне нужен и дом, и серьезный руководитель. Алла Пугачева свой труд талантливо освещает мыслью, инициативой и новизной, а главное, поиском. В конце концов всем же понятно: Театр песни очень нужен! Сотрудники юридической консультации, г. Киев».

«Мне 71 год. Живу в Пятигорске. Я постоянная читательница и слушательница «Кругозора». Очень люблю классику. А из эстрадных исполнителей моя самая любимая певица Алла Пугачева. Мне все в ней нравится. Очевидно, когда любишь, недостатков не замечаешь. Я очень рада, что Пугачева постоянно ищет себя. Не стоит на месте. А это дано только одаренным людям. Молодец Алла Пугачева! Так держать! Очень жду, чтобы сбылась мечта певицы и, конечно, наша мечта о создании Театра песни. Я за! В. И. Староболкова».

По вопросу о создании Театра песни я обратилась к постоянному соавтору певицы поэту Илье Резнику. Вот как он прокомментировал письма наших читателей: «Что касается Театра песни, то он уже давно существует. Только у него нет потолка и стен, но это, как говорится, не повод для того, чтобы молчать певице. И она не молчит. Для Пугачевой я написал сорок песен, и каждую она сумела обогатить своим талантом, душой и умом. К сожалению, такое доступно не каждому исполнителю. Я думаю, что это происходит потому, что она постоянно всматривается в себя и в жизни, и на сцене, поэтому ее творчество всегда неожиданно, всегда открывает новую, неизвестную нам грань ее дарования. К тому же она умеет радоваться успеху другого человека и делает это искренне. Это тоже, согласитесь, бывает довольно редко. Как никто другой, она превращает песню в театральное действие, и можно сказать, что Театр Пугачевой живет и радуется нас».

Обзор подготовила
Марина НАТАЛИЧ

Фото И. ГРАНКОВСКОГО